

ЭКСПАНСИЯ

[ЦАРЬ ФЕДОР]

ОРЕЛ ВЗМЫВАЕТ
ВВЫСЬ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Царь Федор

Роман ЗЛОТНИКОВ

Орел взмывает ввысь

«Автор»

2010

Злотников Р. В.

Орел взмывает ввысь / Р. В. Злотников — «Автор»,
2010 — (Царь Федор)

ISBN 978-5-17-085908-5

Что посеешь, то и пожнешь. К закату правления царя Федора II Годунова справедливость старой русской поговорки проявилась, как никогда отчетливо. Ныне и воинственным шведам, и чванливым полякам, и оборотистым немцам, и жеманным французам, и даже надменным британцам нелегко вспомнить, сколь отсталой и дикой была далекая варварская Московия до того, как среди ее лесов и болот взошла звезда этого выдающегося человека. Правителя, который всегда и во всем руководствовался правилом: корона – не отличие, не привилегия и не индульгенция, которой можно от любого греха укрыться, а тягло. И над государем русским только два господина есть, перед коими ему ответ держать, – Господь на небе и народ русский на земле...

ISBN 978-5-17-085908-5

© Злотников Р. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Царь Федор. Орел взмывает ввысь	6
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роман Злотников

Царь Федор. Орел взмывает ввысь

© Р.В. Злотников, 2010

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Царь Федор. Орел взмывает ввысь

Роман

С искренней благодарностью писателям Диме Гордевскому и Яне Боцман, творящим под псевдонимом Александр Зорич, а также Борису Юлину за неоценимую помощь в создании этой книги.

Автор

Часть первая

Наследники Невского

1

- Бей! Бей!
- Все на Песчаную дорогу! В Русскую деревню!¹ Бей русских!
- Бей! Бей!
- Эгей! Вперед, к Пороховой башне!

Отто Циммерман несся вперед, сжимая палку и разрывая рот в наглом крике. Рядом с ним, потрясая не только палками, но и топорами, а кое-кто даже кинжалами и шпагами, бежало еще около сотни таких же, как он, молодых и не очень мелких торговцев, ремесленников и приказчиков, многие из которых состояли в древней и весьма уважаемой в городе гильдии Черноголовых². Наконец-то! Началось! Засилью этих проклятых русских в славном вольном городе Риге наступает конец! Честные рижане единым порывом поднялись на защиту своих прав и свобод, гнусно попираемых этими варварами с Востока...

- Бей! Бей!

Толпа выскочила к Песчаной, или, как ее стали именовать не так уж и давно, где-то после осады Риги шведами, Пороховой, башне и ринулась мимо нее на Большую Песчаную дорогу, в район, именуемый Русской деревней, в котором еще с конца двенадцатого века селились русские ремесленники и купцы. За последние десять лет этот район неимоверно разросся. Ну еще бы, с той поры как проклятый швед Оксеншерн, чтоб его наконец-то черти забрали, установил для русских варваров нулевые таможенные пошлины, через Ригу валом пошел русский хлеб, лен, тушенка, фарфор и остальные товары. Вот только честному рижскому купцу от сего не было никакого прибýtка. Потому что все эти товары везли сами русские купцы, на своих же русских кораблях... ну не совсем русских, конечно. Когда это русские могли сделать хоть что-то путное своими кривыми руками? Совершенно понятно, что все эти корабли русским кто-то построил. И товары, которыми они торгуют, также для них кто-то произвел. Ну не сами же они это сделали, в конце-то концов? Даже смешно такое предполагать! Они просто нагло воспользовались чьим-то трудом, присвоив себе исконно немецкое право торговать

¹ *Русская деревня* – в Риге территория от Пороховой башни до места, где сегодня располагается здание сейма, на которой еще с XII в. селились русские купцы и ремесленники. Вследствие этого соседняя с Пороховой башня называлась Русской. Пороховая, ранее Песчаная, башня – фортификационное сооружение XIV в., прикрывающее исторически значимую для Риги Большую Песчаную дорогу. – *Здесь и далее примеч. автора.*

² *Гильдия, или общество, Черноголовых* – корпорация странствующих приказчиков и заграничных купцов, занимавшаяся закупкой и доставкой товаров в Ригу. Покровителем общества считался святой Маврикий, чей символ – черная голова – присутствовал на гербе братства. Отсюда и название общества.

на балтийском побережье. Ну всем же известно, что это право со времен Ганзы принадлежит только немецким купцам! И в старые добрые времена, при благословенном Ливонском ордене, русские знали свое место. Тихонько доплывали до Риги и сбывали весь свой товар местным купцам. А куда деваться – таковы законы! Ну а с другой стороны Балтики приплывали собратья-ганзейцы и тут же весь товар у рижских купцов и покупали. Вот это было время... И плыть никуда не надо – и прибыль в кошельках знатная! Впрочем, при поляках тоже было куда ни шло, поляки же тоже славяне и потому, так же как и русские, совершенно неспособны к торговле. Поэтому им все равно приходилось обращаться за помощью к купцам славного немецкого города Риги. Да и шведы вначале вели себя как приличные люди. А вот когда покойный шведский король Густав II Адольф надумал ввязаться в не так уж давно закончившуюся войну в Германии, которую все уже начали называть Тридцатилетней, все и началось...

– Бей! Бей! – заорала толпа, и Отто натужно подхватил общий крик, потрясая над головой палкой.

Уф, вроде добрались. Ты смотри, затаились... вон окна-то все ставнями закрыты. Циммерман злобно перекошил рот. Ну, варвары и еретики-ортодоксы, держитесь. Сейчас, сейчас отольются вам все наши слезы... Где ж это такое видано – честного немецкого купца законной прибыли лишать! С тех пор как русские с попустительства шведского канцлера захватили в свои грязные лапы всю восточную балтийскую торговлю, на долю рижского купечества оставались жалкие крохи. Эти наглые русские предпочитали торговать с немцами, датчанами, голландцами, французами и англичанами самостоятельно, без посредников. Это ж уму непостижимо! Ну когда такое было-то?! А все их царь! Русские испокон веку были холопами. И таковыми и остались! Так что когда их царь пожелал, чтобы русские купцы начали торговать самостоятельно, те, вот ведь идиоты, из своего холопского рвения тут же кинулись рабски исполнять волю своего господина. Ну не дураки ли? Ведь совершенно ясно, что ничего у них не получится. И что все вокруг их всюю обманывают, обсчитывают и шельмуют... жаль только, что такие возможности проходят мимо достойных рижских купцов. При этой мысли Отто зло ощерился и, подскочив к ближайшему аккуратному домику, с размаху опустил палку на запертую дверь. Потом еще раз и еще... А после пятого удара из-за двери послышался дрожащий, испуганный голос:

– Что нужно господину?

Циммерман замер. Вопрос был задан на немецком языке.

– Кто здесь? – недовольно спросил он, опуская палку.

– Я Марта Штайн, экономка.

Отто недоуменно огляделся. Толпа рассыпалась на небольшие группки, которые увлеченно ломались в двери и окна притихших домов. Шагах в двадцати дальше, на противоположной стороне улицы, троим налетчикам удалось вырвать одну из петель ставни, и сейчас они увлеченно выламывали оную, собираясь проникнуть в дом через окно. У большинства остальных успехи были куда скромнее. Ну еще бы, с таким оружием, как у них, штурмовать добротные каменные и деревянные дома, построенные таким образом, чтобы защититься от ночных грабителей, было сложно... Но удивление вызывало не это. А то, что рядом с Циммерманом не было никого. Отто насторожился. Похоже, это неспроста.

– А чей это дом, Марта?

– Господина Легери.

– Легери? – Циммерман наморщил лоб.

Легери... Легери... Где-то он уже слышал эту фамилию. О-о, Легери! Отто гигантским прыжком отскочил назад. Вот ведь незадача! Чуть не вляпался! Легери – венгерский купец, уважаемый член общества Черноголовых. В хороших отношениях с самим шведским комен-

дантом... Но какого черта его дом расположен в Русской деревне? Он что, не мог поселиться среди приличных людей?

– Что, Циммерман, попытался заглотать добычу не по своему брюху? – раздался слева голос Вальтера Блюхе, приятеля Отто и тоже приказчика. – Давай к нам. Я думаю, вот в этом доме будет чем поживиться!

Циммерман раздраженно фыркнул и, досадливо сплюнув, бросился к каменному столбику коновязи, который, пытаясь, выворачивали из мостовой Блюхе с приятелями. Похоже, они собирались использовать его в качестве тарана, намереваясь выбить им дверь соседнего дома.

– Ты знал? – прорычал он, налегая на уже поддавшийся столбик.

– А то, – пытаясь, отозвался Вальтер. – А ты разве не слышал, что говорил герр Штаубе в зале Черноголовых?

– В зале Черноголовых?

– Ну да. – Блюхе даже на мгновение перестал раскачивать столбик и удивленно уставился на Циммермана. – А ты разве не оттуда с нами бежишь?

– Да нет, я выскочил из лавки, когда вы бежали мимо. – Отто злорадно усмехнулся. – Старина Михель еще орал, чтобы я немедленно вернулся на рабочее место.

– Ну что еще можно было ожидать от Старины Михеля? – презрительно скривился Блюхе. – Он всегда предпочитает спрятаться в своей лавке, будто улитка, и молиться, чтобы все неприятности обошли его стороной. А ты что, не слышал о большом сборе? Вроде всех наших оповещали.

– Нет, – мотнул головой Отто. – Я вчера поздно вечером приплыл из Динабурга. Старина Михель посылал меня с грузом соли. – Циммерман сплюнул. – Все выслуживается перед этим русским купцом, Рюкавишничкоффом. Стоило тому только заикнуться, как тут же снарядил корабль...

Вальтер загадочно усмехнулся.

– Вот как... – Он повернул голову к остальным и со смехом произнес: – Парни, наш добрый друг Отто только вчера вернулся, выполняя поручение для герра Рукавишникова.

– У-у, о-о-о, оле... – заулюлюкали вокруг недоуменно оглядывающегося Циммермана.

– Так это у тебя уже давно... – с хохотом прокомментировал заявление один из соратников Блюхе.

– И никак не проходит, – тут же отозвался другой.

– Дело в том, друг мой, – вкрадчиво начал Вальтер, отрываясь от столбика и этак потечески приобнимая Отто за плечи, – что вот этот дом принадлежит как раз этому русскому негодяю – Трифону Рюкавишничкоффу. Так что ты, получается, и сегодня, – он аж хрюкнул от смеха, – тоже работаешь на него...

И все вокруг буквально зашлись от хохота. Циммерман некоторое время стоял красный от недовольства, ну очень ему не нравилось, когда над ним смеются, но затем комизм ситуации дошел и до него, и он, пусть и через силу, улыбнулся.

– Уф... – наконец выдохнул Блюхе, – ну и насмешил!.. И долго ты проторчал в Динабурге?

– Неделю, – мрачно отозвался Циммерман. – Русского пришлось ждать.

– Ну теперь понятно, почему ты ничего не знаешь. Так вот слушай. Мы в Малой гильдии³ решили покончить с засильем этих восточных варваров. Большая гильдия – на нашей стороне, но сами они не решились вмешаться. Зато пообещали, что из предзамка⁴ на наши действия посмотрят сквозь пальцы. Ну да нам больше ничего и не надо...

³ Второе название общества Черноголовых.

⁴ Построенная шведами пристройка к Рижскому замку, в котором размещались службы шведского коменданта Риги.

Отто угрюмо кивнул. Так вот, значит, оно как... весь этот бунт не сам по себе, неспроста. Это не вольные рижские люди восстали против засилья русских варваров, а... Что там «а» – он додумать не успел. Поскольку с противоположной стороны улицы послышался треск, тут же заглушенный восторженным ревом. Циммерман оглянулся. Парням у соседнего дома наконец-таки удалось оторвать створку ставни, и они встретили эту победу бурным восторгом.

– Эй, ребята, – встревоженно закричал Блюхе, – а ну, поднажмем! А то этот Грубер нас точно опередит.

– Как это опередит? – удивился Отто. – В чем?

– Ты же не был в зале Черноголовых, – снисходительно отозвался Вальтер, – и не слышал, как Пауль Рабке пообещал десять талеров тем, кто первыми ворвется в дома этих русских варваров. Ну сразу после того, как всем объяснили, какие дома нельзя трогать ни в коем случае.

– Да уж, – снова отозвался тот самый приятель Блюхе, который констатировал, что у Отто «никак не проходит». – Мы все тут животики надорвали, глядя, как ты ломишься в дом господина Легери.

И все снова заржали.

– А какого дьявола Легери поселился здесь? – зло огрызнулся Циммерман. – Что, не мог найти более приличных соседей?

– Ну, перед русскими последнее время многие заискивали, – пожал плечами Вальтер. – Да хотя бы твоего Старину Михеля взять. Считай, стелется перед ними. – Блюхе презрительно скривился. – Все мечтает ухватить побольше объедков с их стола, вместо того чтобы твердо и жестко взять то, что принадлежит рижским купцам по праву. Ну да ничего... дай срок, мы и их выкинем из Риги вместе с их русскими хозяевами.

Циммермана слегка кольнуло. Нет, он не испытывал никакой особой любви к Старине Михелю, да и уважения, если честно, тоже. Но Старина Михель был рижанином, причем рижанином в черт знает каком поколении. Как и сам Отто, кстати. А вот Блюхе обосновались в Риге всего десять лет назад, когда отец Вальтера перебрался сюда из Любека. Ну и какое он имел право решать: жить Старине Михелю в Риге или не жить? Да и вообще, весь этот бунт, к которому он присоединился с таким воодушевлением, теперь вызывал у Отто сильное подозрение. Он-то думал, что поднялась вся Рига, единым порывом, а тут... Циммерман разогнулся и огляделся. Ну да... все та же сотня молодых, крепких парней, многих он не раз встречал в таверне «У старого Карла», где они собирались попить пива и почесать языки насчет того, как эти проклятые русские гнобят и притесняют старых рижан... Хотя из рижан, которые действительно могли причислять себя к старым семьям, в той таверне обычно бывало всего человек восемь-десять, считая и самого Отто. Остальные же горлодеры были из тех, кто переселился в город не так уж и давно и, по идее, знать о порядках, царивших во времена Ливонского ордена или чуть позже, не могли. Если им о них кто-нибудь специально не рассказал. А между тем рассуждали они о них с большим апломбом...

Бабах!

Выстрел раздался как гром среди ясного неба. Отто бросил ломать столбик, прынул к стене и обернулся. Один из налетчиков из той ватаги, что выломали окно соседнего дома, валялся на мостовой, зажимая плечо и дико воя. Сквозь его пальцы всю хлестала кровь.

– Да у них пистолеты! – изумленно воскликнул Блюхе.

Циммерман покосился на него.

– И что? Почему это тебя удивляет?

Вальтер растерянно посмотрел на приятеля.

– Но ведь Рабке сказал, что никакого оружия у русских нет. Шведы еще три дня тому назад повелели им сдать все хранившееся в их домах оружие. А вчера прошли по всем домам с проверкой. Он сказал, что сам видел конфискованные у русских мушкеты, пистолеты и сабли...

Циммерман покачал головой. Да, странно... Это что же, русские решились нарушить прямое распоряжение самого господина коменданта? Это должно выйти им боком... потом. А вот сейчас...

В этот момент из того же разбитого окна с отломанной ставней раздался еще один выстрел. И сразу вслед за ним налетчик, увлеченно карабкающийся на крышу дома, расположенного шагов на двадцать дальше, рухнул вниз, подвывая и вцепившись в простреленную лодыжку.

– Эх ты, – не выдержал Отто и одобрительно кивнул, – хорошо стреляет! Как далеко из пистолета попал...

Поскольку Старина Михель частенько отсылал его с различными поручениями по всей Лифляндии и Курляндии, молодой приказчик был обучен обращению с оружием и знал толк в меткой стрельбе. Так вот сам бы он вряд ли сумел попасть в человека из пистолета на таком большом расстоянии.

– Ты как хочешь, Вальтер, – насупившись, произнес все тот же приятель Блюхе, – а я, пожалуй, пойду отсюда. Мы так не договаривались. Рабке нас обманул. Он обещал, что мы сможем тут хорошо пожить и что опасаться нам совершенно нечего. А мы пока еще никакой добычи не заимели, зато уже двоих подстрелили.

– Ганс, ты что? – Блюхе ухватил его за плечо. – Ты испугался одного пистолета? К тому же он не в том доме, в который мы собирались забраться.

– Не в том-то не в том, а вот стреляет он не только по тем, кто лезет к нему, а по всем, кого увидит, – хмуро отозвался Ганс.

И, подтверждая его слова, тут же раздался еще один выстрел, сразу же дополненный очередным воплем. Орали откуда-то из-за угла. Улица была пустынна – налетчики попрятались, но, как видно, не все хорошо...

Вальтер досадливо прикусил губу и оглядел свою ватагу, бросившую столбик. Подобные аргументы крыть было нечем.

– И вообще, чего мы тут забыли? – снова подал голос Ганс. – Побежали в порт, к складам. Ну что тут можно наgrabить? Русские купцы здесь же и не живут, так, останавливаются по пути. Я не думаю, что в этих домах найдется так уж много хорошей добычи. И вообще, я думаю, Рабке специально нас сюда отправил, подальше от порта, а сам сейчас со своими людьми спокойно потрошит их склады.

Ответом ему стал одобрительный гул. Отто же внимательно смотрел на Вальтера. Того явно раздосадовало предложение Ганса. И Циммерману отчего-то показалось, что его приятелю Блюхе почему-то было необходимо, чтобы они все остались здесь и продолжили ломиться в дома русских.

– Ты глупец, Ганс! – закричал Вальтер. – Глупец и трус! Как в доме у *купца* может не быть чем пожить? И кого ты испугался? Одного русского с пистолетом? Так знай, что в порту у складов – торговая стража! И пистолет там будет явно не один!

Все переглянулись. В словах Блюхе был смысл... К тому же Вальтер не дал им возможности поразмышлять над его словами, а тут же заорал:

– Ну что встали? Давай навались!.. Еще немного, и мы выворотим этот чертов столб из мостовой... Не робей, этот русский с пистолетом сюда стрелять не может. Ему мешает вторая створка ставен. Давай-давай... шевелись... вот, вот уже... пошло-о-о... Молодцы! А ну, взяли!

И все дружно подхватили на руки выломанный из мостовой столбик, разворачиваясь в сторону двери того дома, который изначально наметили как свою добычу. Столбик был тяжелым, к тому же его нижняя часть была измазана в земле, отчего камень скользил в руках, но Циммерман сумел-таки его удержать. Поэтому, когда они с воодушевленным ревом бросились к двери, намереваясь первым же ударом вышибить довольно хлипкую створку, он мчался вме-

сте со всеми, так же радостно ревя и выбросив из головы все посторонние мысли. Вот сейчас, уже...

Выстрел прозвучал неожиданно. И в следующее мгновение Отто Циммерман обнаружил, что лежит на брусчатке мостовой и обеими руками держится за простреленное бедро. А в двух шагах от него катается по мостовой Вальтер Блюхе, визжа и держась за ступню, расплюснутую вывалившимся из рук разбегающихся налетчиков столбиком.

– Это... что же... – силло прохрипел Отто и, повернув голову, уставился на окно, из которого стреляли из пистолета.

Ну да... Блюхе – идиот! Не сможет выстрелить, не сможет выстрелить... Да неведомый стрелок просто открыл вторую створку и совершенно спокойно выпалил по их ревущей компании. Циммерман судорожно всхлипнул. Нет, трусом он не был и раны не боялся, хотя до сего момента случая вступить с кем-нибудь в бой ему пока не представилось. Но погибнуть так глупо, просто истечь кровью на улице во время неудачного погрома и не дожить до минуты, когда Рига вновь станет свободной... это было обидно. А никого, кто смог бы ему помочь, поблизости уже не было. Похоже, остальные рассудили, что четверых раненых еще до того, как они ворвались в дома и успели получить хоть какой-то ощутимый доход, с них довольно, и поспешили покинуть это неожиданно ставшее опасным место. Ведь практически все, кто ворвался в Русскую деревню, имели отношение к торговле и умели сводить дебет с кредитом. И вырисовывающийся баланс никому из них не понравился. В конце концов, кем бы ни был этот стрелок, огнестрельным оружием он владел куда как умело. А стрелять начал только после того, как налетчики полезли в дом. И кто мог поручиться, что и в других домах налетчиков не встретит столь же теплый прием. Ведь всем известно: эти русские – варвары! Они на все способны, даже защищать свое достояние до последней капли крови. Не то что евреи. Вот тех грабить – сплошное удовольствие... Кстати насчет евреев, их квартал находится тут недалеко, за углом, так, может...

Эти ли мысли внезапно посетили налетчиков, либо какие другие – гадать можно долго. Но, как бы там ни было, результатом оказалось то, что к тому моменту, когда дверь самого пострадавшего в столь бесславно закончившемся погроме дома распахнулась, никого из *целых* налетчиков на улице уже не было. На пороге появился настороженный человек в ярко-алом наряде, почему-то сразу вызвавшем у Циммермана ассоциацию с армейским мундиром, с пистолетом в одной руке и обнаженной саблей в другой. Человек несколько мгновений постоял, ощупывая окружающее пространство настороженным взглядом слегка прищуренных глаз, а затем негромко приказал по-русски:

– Савватей, Торгут, за мной, – и вышел наружу.

Отто со страдальчески искривившимся лицом смотрел на него. Сейчас этот русский варвар его убьет. Вот дьявол, ну почему он не послушался Старину Михеля?! Сидел бы сейчас в его лавке и...

Русский военный, неведомо каким образом оказавшийся здесь, на тихой улочке рижского предместья, внимательно осмотрелся и кивнул в сторону Циммермана:

– Так, Савватей, Торгут, хватайте-ка вон этого и тащите в дом. А я пока других посто-рожу.

– Да пошто, Митрий Дормидонтыч, – отозвался один из двух подручных человека в красном мундире, выделявшийся широкой, окладистой бородой, в то время как у второго боро-денка была реденькая, – Торгутка их и здесь запросто прирежет. Зачем мараться-то? Евон у него из ноги кровяща-то как хлещет...

– Ты бы, Савватей, не умничал, – ернически отозвался тот, кого называли Митрием Дор-мидонтычем, – а быстро делал что велено. Прирезать мы его всегда успеем, а сначала надо поспрошать, чего это рижские немцы тут вздумали бунт учинять. Или ты думаешь, они про-

сто так, спьяну, дома купцов да ремесленников русских громить отправились? Да еще аккурат опосля того, как свеи у всех местных русских оружие поотбирали.

– Да я че, я ж ничего... – тут же пошел на попятный бородатый. – Сказано – сделаем.

– Вот то-то, – усмехнулся военный, – отнесете – и быстро назад. Сразу же второго возь-мем. А потом и тех, кто еще остался. Я вроде как четверых подстрелил, но двое, похоже, убегли. Ну да мне для спросу и троих хватит...

И тут Отто застонал, потому как его довольно бесцеремонно подняли сильные руки и поволокли в дом, из которого и появились эти трое.

В доме оказалось еще два человека – испуганная женщина, укутанная в теплую шаль, и седой старик. Двое подручных военного довольно грубо опустили Циммермана на тщательно выскобленный пол, потом бородатый вытащил из-за кушака длинный нож крайне разбойни-чьего вида и протянул старику.

– Вот, папаша, покарауль его, покамест мы остальных не принесем. Ежели что – сразу коли ему в пузо. После того он уже будет и не боец, и не жилец, но все одно Митрию Дорми-донтычу все чего надобно рассказать успеет. – Бородатый бросил исподлобья взгляд на Отто. – Ты-то, тать, по-русски разумеешь ли?

Циммерман сглотнул. Смешно... Спрашивать сегодня у купеческого приказчика: разу-меет ли он по-русски? А кто б его иначе-то на работу взял?

– Не слышу?! – грозно взревел бородатый.

– Да, господин, – испуганно пробормотал Циммерман и на всякий случай кивнул.

Бородатый хмыкнул и вышел наружу...

Спустя несколько минут Вальтер и еще один пострадавший налетчик, тот самый, кто попытался забраться в окно, а затем упал у самой стены, тоже оказались в доме, в который налетчикам едва не удалось проникнуть. За это время женщина успела перетянуть Циммер-ману рану на ноге, остановив кровь, и сейчас хлопотала над тем, что с простреленным плечом.

Подручные военного внесли Блюхе, которому выпала последняя очередь быть достав-ленным в еще недавно столь желанное для налетчиков помещение, за ними вошел военный, аккуратно закрыл за собой дверь, задвинул задвижку и, окинув взглядом живописную картину, хмыкнул:

– Да уж, ухари...

– Герр Колесников... – тут же забормотал, чуть коверкая слова, старик.

Похоже, он был ливом, а может, латгалом или куршем. Кто их разберет, этих дикарей. Они вообще начали появляться в исконно немецкой Риге только в последнее время и во мно-гом как раз благодаря этим варварам русским. До того никому и в голову не приходило поз-волять местным дикарям поселяться в городе. Максимум, что им позволялось, – это прода-вать, причем где-нибудь на окраине, а не на рыночной площади, товары со своих жалких полей и огородишек (ну совершенно ясно, что лучшая земля принадлежит немцам) и приходиться в наиболее бедные дома делать уборку. Потому что в зажиточных держали чисто немецкую при-слугу. А тут... впрочем, чего еще можно было ждать от *русского* купца?

– ...клянусь, само Провидение послало нам вас. Если бы вы вчера не постучались в эту дверь и не попросились на постой, то я не знаю...

Отто невольно поморщился. Этот дикарь еще смеет рассуждать о Провидении...

– Да, ладноть, – добродушно махнул рукой военный. – Куды мне деваться-то было? Эвон, городские ворота-то уж закрыты были, не в поле же ночевать? Наночевался уже. И еще нано-чуюсь, похоже, коль здесь у вас такие дела затеваются... – Тут его взгляд заледенел, и он, при-сев на корточки так, чтобы его лицо оказалось напротив испуганной рожи раненного в плечо налетчика, рявкнул: – Как звать?!

– Ге... Гельмут, уважаемый господин... пож... пожалуйста, вы не могли бы позвать врача, врача, скорее...

– Обойдешься, – нахмурился военный. – Сначала я должен убедиться, что тебя стоит лечить. А то, можа, легче, да и справедливей оставить тебя сдохнуть, как собаку... А ну-ка, давай рассказывай, кто это вас надоумил идти Русскую деревню грабить?

Гельмут испуганно покосился на Вальтера, тот смотрел на него напряженным взглядом. Но этот взгляд, как тут же выяснилось, заметил и военный. И сумел верно его оценить. Он хмыкнул, а затем внезапно выдернул из-за пояса пистолет, который засунул туда, войдя в дом, и приставил его ко лбу Вальтера.

– Вот, значит, оно как... паря. Чегой-то этот Гельмут на тебя косится? Знать, ты поглавнее его будешь. Так что давай пой, кто это вас сюда пойти науськал.

– Я... – побледневший Вальтер облизнул мгновенно пересохшие губы, – я ничего не...

– Твое дело, паря, – усмехнулся военный, – не хочешь говорить – не надо. – И он с щелчком взвел курок пистолета с зажатым в нем опаленным предыдущими выстрелами кремнем. – Коль решил молчать – так я тебя сейчас и кончу. И этим другим покажу, как им делать не след. Авось они поговорчивей будут.

– Нет! – почти по-бабьи взвизгнул Блюхе. – Не надо! Я все скажу... все... Это все Пауль Рабке. Это он, он! Он приехал из Любека месяц назад. И сказал, что...

Вальтер пел будто соловей. Как выяснилось, Пауль Рабке прибыл из Любека с тайным поручением от какого-то высокопоставленного лица, коему надоело засилье русских купцов на просторах Балтики. И то сказать, ладно бы русские торговали по-старому, как оно велось испокон веку, – пенькой, льном, воском, поташом, салом... так ведь нет, они все переиначили. Вместо воска торговали всякой разной вощиной или уже готовыми свечами, вместо пеньки – канатами и веревками, вместо льна – парусиной и беленым либо крашеным полотном. Целые мануфактуры, заточенные под переработку русского сырья, разорялись, и торговые люди терпели сильные убытки. Ну кому такое может понравиться? Не говоря уж о том, что те же шведы ранее только на перепродаже русского хлеба имели почти миллион талеров в год. А теперь все эти деньги оседали в карманах жадных русских купцов. Неудивительно, что люди наконец раскачались и решили предпринять усилия, дабы восстановить нагло поправленную справедливость...

Впрочем, рассуждения о справедливости военный в красном мундире пропустил мимо ушей, зато очень умело, всего парой вопросов и легким движением пистолетного дула у переносицы, переключил излияния Вальтера с прибывшего месяц назад Пауля Рабке на него самого. Где, когда, с кем, сколько получал, о чем должен был говорить... Где-то в середине этой речи Отто почувствовал, что его щеки стали совершенно пунцовыми. Оказывается, его развели как телка. Все эти разговоры, которые велись в таверне «У старого Карла» и которые он воспринимал как полную и абсолютную истину, ранее намеренно скрытую от него, а вот теперь, сейчас, открытую ему умными и честными людьми, с кем ему так повезло познакомиться и подружиться, как теперь выяснилось, в большинстве своем оказались ложью...

И велись они как раз для того, чтобы, когда поступит команда действовать, у Вальтера Блюхе, Пауля Рабке и их хозяев под рукой оказались бы молодые, крепкие ребята, искренне возмущенные «творящимся беззаконием» и способные сделать все так, как и надобно этим хозяевам, но при этом искренне считая, что они действуют по своему собственному разумению и побуждению. И лишь немногие из тех, кто сегодня ворвался в Русскую деревню, горя возмущением и негодованием (а также, куда уж деваться, желанием пограбить и преумножить сим свое благосостояние), знали или хотя бы догадывались, что происходит на самом деле. Как раз одним из таких догадывающихся и был Гельмут. А вот Отто оказался бестолочью...

– Вот так-то, паря... – сказал ему военный, закончив перекрестный допрос, после которого полный расклад стал понятен не только ему, но и всем остальным, в том числе и Циммерману. А его отношение к услышанному, похоже, оказалось явно написано на его лице. – Так

вот с такими, как ты, телками завсегда и поступают. Поманят чем красивым – волей там или энтой... справедливостью, а потом и гонят на убой.

Отто вздрогнул. Русский, да еще военный, рассуждающий о высоких материях... это выглядело, как минимум, странно. И еще более странным было то, что он, похоже, был полностью прав...

– Ну да ладно, ништо, – продолжил между тем русский, – теперь-то уже эти мужи хитро-мудрые у нас попляшут. – Он почти по-дружески подмигнул Отто и развернулся к старику. – Вот что, отец. Ехать мне надобно. Да поскорее. Да не туда, куда собирался, а обратно, в Полоцк. К войсковому дознавателю. Сам видишь, какие тут у вас дела творятся... Да не одному, а с энтими тремя. Телега-то у тебя есть?

– Есть-есть, – закивал старик, – даже две.

– Ну так давай закладывай.

– А, – старик запнулся, – господин кирасир, можно и нам с вами? Клянусь, мы...

– Ты не клянись, – оборвал его военный, – просто не отставай. Потому как я ждать не буду. Так что давай иди быстрее. А я их покамест по дохтурскому делу обихожу.

– Но... врач, – робко начал Гельмут.

– Не бойся, – усмехнулся военный, – не первый раз такие раны врачу. Знаю, как оно делать надобно. А к городскому дохтуру я тебя не повезу. Не обессудь. Времени нет. Уезжать надобно, пока этот ваш Пауль Рабке не опомнился. Причем вам как бы не быстрее, чем мне. А то он вас всех тут же к ногтю прижмет, чтобы свои темные делишки покрыть. Ибо вы теперь противу него первые видоки. Я-то что, капитан царевых кирасир, проездом ехавший. А вы – местные, речи его и его подручных не один день слушавшие, сами в погроме, им учиненном, участвовавшие. Ему теперь от вас сколь можно быстрее избавиться следует. Да при удаче еще и на меня все и свалить...

Циммерман поежился и настороженно покосился на дверь. А ну как этот самый Рабке сейчас ворвется в дверь со своими слугами? Но военный, заметив его взгляд и, к удивлению Отто, очень точно его истолковав, развеял его опасения:

– Не, сейчас ему не до этого. Да и не знает он, скорее всего, ничего еще. Эвон твой поделеньник-то что говорил? Что его людишки нонеча склады в порту грабят. А вас более для отвлечения внимания послали. Чтобы тут, значит, пожар запалить и хучь часть портовой стражи сюда отвлечь. Да, можа, и свеям основание дать в порту порядок подольше не восстанавливать. Мол, на беспорядки в городе отвлеклись, вот и не успели. Да токмо ваши все, я так думаю, не к нему помчались докладать о своем конфузе, а либо, как оно обычно при любом погроме бывает, евреев потрошить, либо, ежели я их совсем шибко испугал, вообще по домам. Так что покамест до него слух дойдет, покамест он своих людишек от грабежей сумеет оторвать да сюда двинет – мы десять раз скрыться успеем...

Уже сидя в телеге, с наново и очень умело перевязанной ногой и не менее умело связанными сзади подручным военного – редкобородым азиатом совершенно звероватого вида – руками, Циммерман устался в спину военного, обтянутую красным сукном мундира. Ой, какой-то неправильный военный им попался. Эвон как все сотворил-то. И от налета в одиночку отбил, и из Блюхе сумел всю правду извлечь, и вообще... Но тот, как видно, спиной почувствовал его взгляд и, резко развернувшись, ухмыльнулся Отто.

– Что, болезный ты мой, гадаешь, откуда я такой шустрый взялся? А оттого, что я – кирасир! В кирасиры запросто так попасть никому невозможно. Надобно и доблесть, и волю, и смекалку проявить недюжинные... Но зато наши полки николи на жилое и не распускают, и по старости нас тоже никого не увольняют. Так государю и служим до смерти. И в бою врагов сеча, и иную какую крамолу и потаю вредную на государя и страну нашу, Русь Святую, изыскивая. Так что очень вашим этим хозяйвам не повезло, что я ныне мимо ехал...

2

Я сидел и смотрел на человека, стоящего передо мной. Узкие раскосые глаза, черные волосы, смуглая кожа и угадываемые под рясой кривые ноги – наследство сотен поколений степных всадников. Кто же он такой? Какого роду-племени? Я хмыкнул, потому что вопрос был глупым. Он – русский...

Последняя перепись населения, которую впервые осуществили совместно два приказа – Большой казны и Большой счетный, принесла мне очень интересные сведения. Численность населения страны уже перевалила за двадцать три миллиона. И это счетных! То есть только тех, на ком лежала та или иная тягота – служба государева, божье моление и сиротское бо старческое призрение, коим облагались монастыри и епархии (у меня не поотлыниваешь), государева казачья служба, подушная подать либо ясак. Кроме того, по прикидкам дьяков Счетного приказа, на территории страны проживало где-то около миллиона несосчитанных – среди которых были и калики перехожие, и скоморохи, ватаги, коих удалось-таки отучить от татьбы, но по большей части таковые жили, конечно, в совсем уж глухих таежных, степных и тундровых стойбищах. Эта перепись, проводимая в первую очередь для приказа Большой казны, нуждающегося в регулярном обновлении базы подушного налогообложения, впервые прошла по более расширенному списку параметров.

Я решил поставить многие свои экономические и демографические программы на научную основу, для чего и основал Счетный приказ, повелев ему неустанно собирать сведения откуда только возможно – из таможенных и карантинных изб, от царевых мытней, из общинных списков и так далее. Ну и регулярно работать «в поле». Так что нынешняя перепись развернула передо мной куда как более обширную картину современного состояния России, чем та, которой я обладал ранее. И вот тут-то выяснилось, что на вопрос, какого ты, родимый, роду-племени, подавляющее большинство населения ничтоже сумняшеся ответствовало – русский. А конкретно – таковыми объявили себя почти двадцать два миллиона человек. При том что ранее считалось, что в стране живет не менее четырех миллионов инородцев – татары, мордва, чуваша, тунгусы, ногайцы, башкиры, вотяки, монголы и так далее. Не говоря уж о не так давно переселившихся немцах и всяких там поляках с молдаванами, также активно бегущих кто от своих панов, а кто от османов на мои западные и южные земли.

Я так сильно заинтересовался такой странной статистикой, что даже повелел провести специальное расследование, которое поручил игумену основанного еще моим батюшкой Заиконоспасского монастыря Григорию. А тот отрядил на сие дело инок Иону, оказавшегося крещеным ногайцем, взятым в Божьи слуги малым ребенком, из числа тех отроков, коих я повелел принять в обучение в монастыри после той давней уже замятни, случившейся между башкирами, казанскими татарами и ногайцами аккурат опосля Южной войны. Заиконоспасский и еще три монастыря числились ставропигиальными только формально, а на самом деле состояли в так называемом особливом списке, то есть управлялись напрямую не только патриархом, но и царем. Все четыре монастыря имели свой особенный устав, возглавлялись игуменами из числа тех, что в свое время сумели освоить школу Шаолиня и, по существу, являлись моим православным ответом на существование иезуитов. А что?

Именно иезуиты в свое время сумели окрестить всю Латинскую Америку и Африку, коя в двадцатом – двадцать первом веках в основном и будет содержать Престол святого Петра. И именно латиноамериканцы и африканцы составляют три четверти того самого миллиарда католиков, коим так гордятся папы, именуя свою паству самой многочисленной христианской конфессией в мире. Так разве нам, православным, помешает специализированная структура, заточенная под подобные задачи? Вот и я так считаю... То есть как оно будет на самом деле, надо еще, конечно, посмотреть, но попробовать сотворить с Божьей помощью (потому как без

нее в таком деле все равно ничего не получится), нечто такое я рискнул. И пока поводов для разочарования не просматривалось...

Так вот сейчас инок Иона, поедая меня своими раскосыми глазами, докладывал мне результаты своего расследования. Я сделал жест рукой, прерывая доклад, и некоторое время размышлял над изложенным. А затем задумчиво переспросил:

– Значит, говоришь, среди тех, кого ранее считали казанскими татарами, православных и русскими себя считающих таперича более половины выходит?

Инок смущенно кашлянул.

– Не совсем так, государь. Среди татар число магометан за сорок лет токмо на треть упало. Ну, может, чуть больше... Просто опосля той замятни... ну которую казанцы, башкиры и ногайцы между собой учинили, многие роды вырезаны были либо зимой вымерзли. А в те земли другие пришли – и из русских уездов, а тако же мордва и чуваша. А оне спокон веку уже как православные. И многие, пришедши, жинок себе из татарок взяли, ну покрестив их, конечно. А потом так и пошло... У новых поселенцев твоей волей, государь, да патриарховым радением церкви строиться начали, а мечетей в округе мало. Почитай, токмо в городах. Потому и остальной народишко-то начал креститься, чтобы не во блуде, а по закону жить. Да и ремесло какое иное токмо православным доверяли.

Например, лодьи торговые от Астрахани до торгового тракта, что между Волгой и Доном проложен, токмо тем ватагам водить дозволялось, кто крестное целование давал. А то дело выгодное. Ватаги, что лодьи купеческие бечевой да волами вверх по Волге таскают, более всего в тех краях серебра имают. Потому и женихи из них знатные, и семьи у таковых завсегда многочисленные... И царь-рыбу опять же ловить токмо те артели могли, кто крест целовал по цареву закону сие справлять. Вот много татар и покрестилось. А там и школы приходские, тако же твоим тщанием и патриаршим радением устроенные... Так что ежели отцы более по житейскому умыслию крестились, то дети, батюшками в приходских школах обученные, в вере уже куда тверже стояли. А ноне, как внуки пошли, и вообще... – Инок махнул рукой.

А я мысленно усмехнулся. Значит, вот как они самоидентифицируются-то. Считай, по-казачьи. Потому как казаки своего каким образом определяли? По-русски говоришь, по-православному крестишься, кругу казачьему крест целуешь? Все – казак! Так и тут. По-русски говоришь? Веры православной? Следовательно – русский, и никаких гвоздей!

Скажите – а как же чистота крови?!

А никак! Еще в двадцатом веке генетикой однозначно доказано, что смешение кровей всегда потомству на благо идет. А вот близкородственный инбридинг однозначно приводит к вырождению. Американцы вон в оставленном мной будущем даже целую лотерею из-за этого затеяли по своим грин-картам. Подал в посольство анкету на английском языке – считай, лотерейный билет купил. Более чем пятидесяти тысячам человек каждый год в страну въезжать дозволяли. Ну ежели те деньги на билет и жизнь найдут. Именно для поддержания генетического разнообразия. Поскольку большинство участников такой лотереи как раз из самых бедных и отсталых стран были – из Бангладеш, Ганы и иных задворков цивилизации. Потому как, чтобы в Штаты из той же Европы попасть, никаких особенных усилий не требовалось, а вот для таких задворков цивилизации подобная лотерея – едва ли не единственный шанс перепрыгнуть из глухого угла третьего мира в первый. Пусть даже на его помойки, потому как ничего более таким иммигрантам по первости там не светило... Да еще и самые сливки наловчились снимать. Ведь чтобы в этой лотерее участвовать – английский язык знать надо, а его еще попробуй в этих странах выучи. Очень большое упорство и волю иметь надобно...

Впрочем, у нас, русских, нечто подобное вообще спокон веку как бы само по себе творилось. Вот, скажем, я – русский? Да стопроцентно! Не просто русский, но еще и русский царь. А по Разрядным книгам (уж не знаю, насколько им можно верить) предком Годуновых был татарский князь Чета, перешедший на русскую службу во времена Ивана Калиты. И мы, Годуновы,

такие не одни. Недаром моя тетушка... ну та, которая аккурат в самом конце двадцатого века преставилась, говаривала: «Колупни русского – отыщешь татарина». И вообще, среди предков русской знати кого только не встречается. О скандинавах, татарах, литвинах и греках я уж и не говорю – сплошь и рядом, так ведь совсем экзотические предки есть – от гишпанцев до шотландцев и персиян. Кого только на службу к русским князьям не заносило, и кто только здесь, на Руси-матушке, не оседал, за верную службу князем помещьем, а то и вотчиной пожалованный... Да и простой народ, вроде как испокон веку здесь проживавший, возьми – так тоже с этой исконной русскостью (коей так кичились в покинутом мною времени всякие крайние русские националисты) проблема вылезает. Стоит только чуть в глубь веков залезть, так среди своих предков можно и такого отыскать, коий на тебя, назови ты его русским, с кулаками полезет. И орать будет, что не хрен обзывать, потому как он тебе никакой не русский, а самый что ни на есть полянин, или древлянин, или кривич, или вятич, или радимич, или чистокровный мурома! Из коих, как известно, самый главный русский богатырь – Илья Муромец и был. Охохонюшки, нет, если в эти национальные дела углубляться, так вообще мозги закипят...

Ну да и не хрен углубляться! Потому как, по моему мнению, все идет ну просто преотлично: число русских – множится, и они друг за дружку тут крепко держатся, не глядя на то, у кого какие волосы и глаза. А не как в мое время, когда в той же Чечне, Таджикистане и иных национальных окраинах русские семьи вырезали, а их такие же русские соседи, за которыми ну совершенно точно должны были прийти уже завтра, молча сидели по своим дворам и молились, чтобы вот сегодня, сейчас, пронесло бы. То есть умри ты сегодня – а я завтра. Так, кстати, со многими там и произошло... А на рожу смотреть – последнее дело. Эвон так почитай большую часть русского населения Сибири можно нерусскими объявить. Ведь почти все казачки сибирские себе в женки якуток, тунгусок да вогулок взяли⁵, и ребятенки у них с очень характерным разрезом глаз понарождались. И что теперь?..

Вот только немцы-то как шустро себя в русские записали. Еще поколение не сменилось, а уже обрусели. Значит, сработала моя идея их по одной семье в русские деревни расселять...

Отпустив инока, я поднялся из-за стола и подошел к окну. За окном колыхались ветви сирени. Отцвела она уже давно, лето к исходу идет, но все равно глаз радовала.

– Государь!

В приоткрытой двери кабинета нарисовалась уже почти совсем седая голова Аникея с довольно потешно выглядящими на его физиономии очками. Это был результат еще одного моего «откровения», случившегося как раз тогда, когда зрение начало садиться и у меня самого. И хотя очками я пользовался уже лет пять, а распространение в моем окружении, небольшую часть которого составляли мои изначальные соратники, коим уже, как и мне, более шестидесяти лет, они получили едва ли не сразу, широкого применения очки пока не имели. Ибо изготовление линз для их производства оказалось той еще задачей, и решить ее пока сумели только в опытовых мастерских при избе стекольных размыслов. Да и то лишь при помощи оптиков и химиков из Московского университета. Так что даже в России, кроме как в этих мастерских, нигде более очков не делали. А про другие страны и говорить нечего. Россия сейчас являлась почти монопольным обладателем пула самых передовых технологий – от технических до сельскохозяйственных.

Ну за исключением тех, кои не представлялось возможным использовать на ее территории вследствие климатических ограничений. Хотя и в этом направлении дело двигалось. Поскольку и границы страны мало-помалу расширялись... ну или должны были расшириться

⁵ Например, великий русский землепроходец, уроженец Великого Устюга Семен Дежнев был женат на якутке Абакаяд Сючю, а жена соратника Дежнева, холмогорца Федота Попова, якутка Кивиль вообще путешествовала вместе с мужем и стала первой женщиной, прошедшей тогда еще не названным проливом из Северного Ледовитого океана в Тихий.

в не таком уж далеком будущем. Скажем, Крым и в той истории, которую я изучал, все одно стал российским, поэтому я сейчас вполне спокойно вкладывался в развитие в нем виноградарства, как раз в тех местах, где в мое время располагалась Массандра. Вот уже лет двадцать там активно сажали виноград – лучшие испанские, французские и итальянские сорта. Пока не слишком много – по сотне-другой четей каждого сорта. Торопиться я не хотел. Подождем лет двадцать-тридцать, посмотрим, какие сорта дадут лучший, наиболее качественный урожай, теми потом и засадим. Кроме того, в междуречье Яика и Эмбы, на землях яицкого казачества, вовсю шли опыты с выращиванием хлопка и тутового шелкопряда. А в Киевской губернии появились первые плантации товарной сахарной свеклы⁶. Виниуса я похоронил уже лет десять как, но он воспитал себе хорошую смену...

Причем моей собственной заслугой в этом было отнюдь не то, что я кому-то *рассказал* и уж тем более кого-то *научил*, как и что им делать. По большому счету я об этом и не знал практически ничего, кроме того, как можно пользоваться получившимся результатом... Я сделал совершенно другое. Я создал *социальные структуры*, которые оказались способны воспринять и развить мои крайне сумбурные намеки (иначе и не назовешь), а также сумел наполнить их необходимыми для их ускоренного развития людьми и необходимыми этим людям иными ресурсами. Сначала иностранцами, затем обученными ими, а потом и получившими образование уже в национальных учебных заведениях русскими. И сделал это, не положив в могилы множество русских, татар, ногайцев, мордвинов и остальных, как, скажем, тот же Петя Первый или незабвенный Иосиф Виссарионович, а преумножив их число. Причем более чем в два раза, если считать от того момента, как я взошел на трон... Так что я имел право тешить себя надеждой, что даже после того, как мою престарелую тушку со скорбными лицами затолкают в какой-нибудь величественный склеп, технологическое развитие страны не остановится, а будет идти темпами, как минимум не уступающими темпам той же Франции или Англии. А большего было и не надо.

– Что там, Аникей?

– К вам окольный Пошибов.

Я вздохнул и, приподняв очки, потер пальцами веки. Сдаю... еще только двенадцать дня, а уже резь в глазах и спину ломит.

– Зови.

– Доброго дня, государь, – поприветствовал меня Борис Пошибов, выходец из ярославских посадских людишек, рекрутированный в Митрофанову службу еще десяти лет от роду и ныне сменивший Митрофана на посту ее главы. Стар больно стал боярин и мой ближник. Впрочем, в том, что я поменял его на куда более молодого Пошибова, коему только сороковой год пошел, возраст ни при чем. Хватку Митрофан терять начал. Два раза едва заговоры не прошляпил... Нет, всякий испуг требует регулярного обновления. Стоило всего лишь лет пятнадцать никого из бояр-княжат и из иных бывших великих родов не трогать, как тут же новые заговоры образовались. Один раз бояре с поляками попытались стакнуться – те за любую соломинку хватались в надежде хоть как-то облегчить свое положение, а другой так до конца раскрутить и не удалось. Я подозревал, что за всем этим стоял шведский наследник Карл Густав Пфальцский. Они с сестренкой, королевой Кристиной, оченно меня не любили. Но у той больше на уме желание блистать было, чем заговоры организовывать, а вот братик куда дальше смотрел. Но доказать ничего не удалось. Как выяснилось, у Митрофана источники информации были только в окружении королевы, поблизости от ее подруги Эббы Спарре и испанского посланника Пиментелли. А вблизи Карла Густава никого не оказалось. Так что Пошибову сразу по назначению было велено вплотную заняться устранением этих недостатков...

⁶ Франц-Карл Ашар, первым наладивший производство сахара из свеклы, а не из тростника, сумел добиться приемлемого результата селекционной работы всего за 13 лет, с 1786 по 1799 г.

– Долгий доклад будет, Борис Твердиславич? – поинтересовался я, чуть выгибаясь, чтобы размять поясницу.

– Не шибко, государь, – отозвался окольный, – коли сам о чем поподробнее поспрошать не вздумаешь.

– Ну тогда говори, а я похожу. А то что-то спина и ноги затекли...

И окольный начал:

– Свечи собираются поляков пощипать. Оне уже давно на Данциг зубы точат...

Я кивнул. Это – да. Когда я войска из Польши выводил, Оксеншерн меня очень сильно обхаживал, уговаривая не передавать Данциг полякам, а уступить его шведам. Но мне усиление шведов на Балтике нужно было как собаке пятая нога. Владислав-то IV, несмотря на всю его ненависть ко мне, был для меня неопасен. Его возможности, как гранитной плитой, были задавлены чудовищным долгом ломбардским банкирам. Да и тот огрызок бывшей Речи Посполитой, оставшийся от еще недавно могущественной страны, для нынешней России никакой опасности представлять не мог по определению... Впрочем, и в том варианте истории, которую я изучал в школе, ну в той, которую кончал в конце двадцатого века, а не в царевой, произошло то же самое, просто чуток попозже. Ибо ничем иным тот вариант буйной шляхетской демократии, восторжествовавшей в Речи Посполитой, закончиться не мог. Может, сейчас что изменится? Да нет, вряд ли. После того как Владислав IV, успев только несколько месяцев погреть задницей столь давно скучавший по нему трон, преставился, у его наследника Яна II Казимира дела пошли только хуже. Вконец обнищавшие шляхта и магнateria, дорвавшись до своих старых имений, окончательно забили на короля и принялись напропалую восстанавливать «богатство и блеск ясновельможного панства». Ходили даже слухи, что Яну Казимиру зимой часто нечем отапливать дворец да и с жрачкой регулярные трудности. Так что польский король, чтобы не замерзнуть и не подохнуть с голоду, начал зимой наезжать в гости к своим наиболее обеспеченным подданным и жить у них, пока его не попросят...

– ...а полякам сие стало ведомо, – продолжал между тем глава моей секретной службы. – Но сил обороняться от свеев у них нет, и набрать их также нет никакой возможности. Вот у них какая мудрая голова, не иначе как кто из езуитов, надумала нас со свееми лбами столкнуть, беспорядки в Риге учинив и русских людишек побив. Всем известно, государь, как ты шибко не любишь, когда русская кровушка льется.

– Вот как? – Я остановился. – О беспорядках в Риге мне не докладывали.

– Да нечего было, государь, – повинился окольный. – Упустили мы все там. Да и беспорядки получились малые. Не шибко много людишек погибло. А сколько товару пограбили – пока считают. Но и здесь купецкие товариства надеются со свеев возмещение взять...

– Ну... все, да не все, раз ты про тех, кто все это затеял, прознал.

Окольный вздохнул.

– То случайно вышло, государь. Кирасирский капитан аккурат в это время в Риге оказался. Вот он-то и сумел и пленных споймать, и всю подноготную там же на месте от них разузнать. А моим людишкам в Полоцке токмо кое-что уточнить оставалось.

Ну... я думаю, не только в кирасирском капитане дело. Явно были у окольного и какие иные завязки. Пошибов вообще импонировал мне тем, что свои собственные успехи очень часто замалчивал, стараясь выпятить на первый план кого другого, часто даже не своего ведомства. Они, мол, все и сделали, а он тут только рядышком постоял... Но кирасира, пожалуй, стоит отметить. Молодец, молодец... Не зря я в свое время решил из кирасиров этаких новых опричников делать. Не в том смысле, что они все поголовно вешать и резать должны, чем, кстати, настоящие опричники не так уж и много занимались. Это потом на них всех собак вешать приловчились. А на самом деле... Эвон, даже дед мой, тот самый страшный Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, прозванный Малютой, погиб отнюдь не в застенках, пытая в свое удовольствие невинных, так сказать, овечек, а на поле боя, 1 января 1573 года лично воз-

главив штурм ливонской крепости Вейсенштейн... А в том смысле, что обучать их не токмо воинскому искусству, но еще и иному государевых дел радению. Скажем, всяким знаниям и умениям, что проходили по Митрофанову ведомству. А то эвон как оно раньше (тьфу ты, ну позже, конечно) было – офицер, мол, жандарму руки не подавал. Невместно, понимаешь, ему было со всякими там царскими сатрапами здороваться. Так и сгинули со своей спесью в семнадцатом на штыках распропагандированной большевиками озверевшей солдатни. Так вот здесь у меня такого не будет!

Хотя начиналось все более из-за того, что из всей армии токмо кирасиры у меня не пускались на жилое. И я решил, что надобно придумать, чем занять этих ребят, уже году к пятому-шестому службы овладевших своим воинским мастерством так, что учить их становилось совершенно нечему. А то начнут всякие бяки в голову лезть. Ну как у гвардейцев во времена от Первой Екатерины и до Второй и даже чуть позже, когда оные гвардейцы императоров и императриц меняли как перчатки, всюю прибегая к таким медицинским приемам, как апоплексический удар табакеркой по голове. И стал прикидывать, в какую сторону энергию этих молодых мужиков направить. Вот так и родилась идея осуществить тесную смычку города с деревней... то есть военных с жандармами, коих пока, правда, никто так не именовал. И, вполне вероятно, именовать не будет. Как-нибудь по-русски назовем, может, даже теми же опричниками... Сейчас же у меня все больше и больше вырисовывалась мысль в дальнейшем сделать кирасирские полки таким кадровым резервом полиции и секретной службы. Каким бы нелепым это кому-нибудь ни казалось со стороны. То есть не единственным, конечно. Кирасиры-то все ребята рослые, а в этом деле иногда очень важна незаметность, но в существенной части – почему бы и нет? В городские вон в Российской империи, насколько мне помнится, только ветеранов старались брать, с наградами и с безупречной выслугой...

– Ладно, капитана этого мне представь. Таковых непременно поощрять надобно. Еще что?

– Пока все, государь.

– А сами свеи как настроены?

– Замятня у них пока, государь. Королева Кристина порешила корону с себя снять и передать своему брату – Карлу Густаву Пфальцскому...

Об этом экстравагантном решении моей шведской венценосной сестры я был уже осведомлен.

– А казна у свеев опосля правления королевы пуста вельми. На войну с нами они никак пойти не могут. Они бы и на поляков не полезли, да токмо поляков ноне пограбить все одно что перезрелый плод с дерева снять. Никакой силы не надобно – одно желание...

Я усмехнулся про себя. Интере-эсные намеки мой глава секретной службы кидает. Похоже, он шибко сблизился с тем кружком молодых сопляков, который сложился вокруг моего старшенького. Ну сопляки – они сопляки и есть. Им бы только повоевать. А что потом с этим завоеванным делать – там, мол, разберемся. Но эти-то куда лезут? Ну *не нужна* нам сейчас Польша. От нее не прибыль – одна сплошная головная боль будет. Тем же шведам. Хотя они пока этого не понимают... К тому же мы Польшу сейчас вполне успешно *уже* под себя подгребаем. Не прямо и грубо, а так, тихой сапой... Оттуда народишко, уставший от магнатского и шляхетского беспредела, потоком бежит. Мои карантинные избы в Брестском, Белзском и Львовском уездах забиты по самую крышу. Да и из приграничных польских староств очень интересные сигналы идут. Мол, как там насчет взять по примеру бывших восточных земель Речи Посполитой еще одно староство русский государь под свою руку не желает ли?

– Ну грабить там после нас уже особо и нечего, – усмехнулся я в ответ.

– Да неужто, государь, мы им такую подлость просто так спустим? – удивился окольный.

И действительно, немалый авторитет государства Российского держался еще и на том, что всем было известно, что мы никогда не оставляли без ответа любой выпад в нашу сторону... хм, действительно рука иезуитов просматривается. Уж больно хитрый расклад получается: не узнаем мы, кто замыслил в Риге затеять, – полякам хорошо. Узнаем – полякам плохо, но Святому престолу опять же хорошо, потому как ежели мы поляков прижмем, то этим самым их от себя снова оттолкнем, а папа тут как тут. А то очень его волнует, что уже в исконно польских воеводствах, особенно восточных, число православных храмов за последние двадцать лет почти утроилось...

– А подлость эту, конечно, спускать совершенно не стоит. Так что сыщи-ка ты мне того, кто точно это все придумал и кто денег дал, чтобы ее исполнили, а пока... – Я задумался, размышляя над мыслью, только что родившейся в моей голове. – Сколько, говоришь, в Риге наших людишек побили?

– Покамест о семерых доложили. Может, и еще кого, но пока то мне неведомо.

Я усмехнулся уже открыто. Значит, у шведов казна пуста, зато имеется большое желание поправить свои финансовые проблемы за счет поляков.

– Аникей!

– Да, государь!

– А ну-ка позови мне боярина Качумасова и генерал-воеводу Беклемишева.

Моего друга и соратника Мишку Скопина-Шуйского мы похоронили в прошлом году. Ксюха до сих пор по мужу убивается... и все идет к тому, что надолго она его не переживет. У сестры по весне ноги отниматься начали, и хотя к лету она немного очухалась, я ожидал, что следующая зима станет в ее жизни последней...

– Да, государь! Боярин Качумасов уже тут, в приемной сидит.

– Вот и отлично! Заходи, заходи, Николай...

Боярский чин глава Посольского приказа получил не так давно. Но вполне заслуженно. Я постепенно передал в Посольский приказ все функции подбора и расстановки моих агентов при иностранных дворах (постоянных послов в этом времени еще не существовало, и вообще послами считались лишь те, кто *посылался* от государя к кому-то, чаще всего к другому государю, с каким-либо поручением), и Качумасов вполне справлялся. Во всяком случае, замена людей при дворах иностранных государств произошла так, что поток передаваемой информации или нанимаемых специалистов не ослабел ни на месяц. Впрочем, теперь специалистов из числа иноземцев нанимали не слишком много. Самых светил, так сказать. И часто при помощи тех светил, кои уже трудились у меня. Скажем, если того же Кеплера мне сосватал Галилей⁷, а Пьера Гассенди, ныне занимающего должность ректора Казанского университета, – Рене Декарт, в тот момент уже давно пребывающий на посту ректора университета Московского, то Ферма был стопроцентно заслугой Качумасова... Ну и моей тоже. Потому что я как только услышал фамилию – так тут же отдал приказ денег не жалеть, но этого пока еще довольно молодого парня заполучить. Уж о теореме-то Ферма в мое время каждый второй слышал. Правда, именно слышал, потому как, в чем именно она состоит и почему так важна и столь известна, я, например, не знал... А вот, скажем, Кольбера сманить так и не удалось. Уж слишком он был предан Мазарини, а с тем у меня отношения не сложились напрочь.

Зато с архитекторами все было нормально. Таковых у меня работал уже не один десяток. Ну и пособия появились. Хотя бы те же «Четыре книги об архитектуре» незабвенного Андреа Палладио. Более того, в Московском университете планировалось через год создать факультет архитектуры, десяти лучшим его выпускникам была обещана трехлетняя стажировка в Италии. Я бы не отказался и от стажировки во Франции, но Мазарини... Впрочем, молоденького Людо-

⁷ Галилей находился в активной переписке с Кеплером, высоко его ценил и знал о его злоключениях в Праге и о постоянных задержках жалованья. Странно было бы, если бы он не пригласил его на работу.

вика XIV, которого все вокруг пока еще считали всего лишь бледной и безвольной игрушкой в руках Мазарини, я прикармливал как мог. Уж я-то отлично знал, какая он будет «игрушка». Кстати, прикармливал даже не столько финансово, хотя мой агент при французском дворе регулярно вручал мальчику кошель с некой суммой серебра, причем не французской, а моей собственной, русской чеканки (пусть с детства привыкает к тому, что русское – это хорошо и шибко круто), но и иными игрушками.

Так, от моего имени ему уже несколько лет на день рождения дарились кони. Как раз под его размеры – от мелкой татарской до фриза, до которого дело должно было дойти в этом году. Вернее, до московской строевой, выведенной путем прилива к фризу значительной доли арабской крови. Таковых сильных и невероятно красивых лошадей пока существовало всего лишь две сотни. Но мои племенные заводы сейчас активно освобождались от поголовья, выведенного на основе того табуна, что мне прислал Сапега, и ольденбургцев, готовясь активно приняться за размножение московской строевой породы. Ну не полностью, конечно, потому что и те лошади получились очень неплохими. По моим прикидкам, энерговооруженность народного, так сказать, хозяйства вследствие замены лошадей прежней породы новыми даже в случае сохранения численности поголовья повышалась раза в два с половиной. Если не в три. Также я отправил Людовику полсотни калмыков, лучших воинов, лично выбранных Хо-Орлюком, за каждого их роду было заплачено по двадцать лучших коней. Но калмыки поехали во Францию не сразу, а после года обучения, за это время из них сделали настолько вышколенных бойцов, что они произвели на юного короля, которому в этом году должно было исполниться только шестнадцать лет, неизгладимое впечатление. Не меньшее, чем на самих калмыков произвели царицы кирасиры, кои как раз их и учили...

– Вот что, Николай. Тебе о замятне в Риге ведомо?

– Да, государь, – тут же насторожился Качумасов.

– Вот и славно. А что ты думаешь о том, что swei поляков пощипать вздумали?

Качумасов задумался. Я его не торопил. Мозги у боярина варят, так что сразу озвучивать сложившееся у меня решение необходимости нет. Если оно верное – Качумасов и сам до него додумается, а если так, результат приступа старческого маразма, то тем более нечего себя дураком выставлять.

– Я так думаю, государь, – осторожно начал глава Посольского приказа, – после того как Кристина Свейская от короны отречется, мы более никаким «сердечным согласием» связаны не будем.

– А ну как они его наново попросят? Им сейчас с нами воевать никак не с руки. Казна пуста, да и сами они зубы на поляков точат.

– Так ить, – усмехнулся в бороду глава Посольского приказа, – кто нас может заставить сие согласие заключить? Эвон и обиду какую в шведских пределах нашим купцам учинили – побили, пограбили... Покамест за все обиды оне нам не возместят, о чем с ними баять-то?

– Ну окольничий говорит, что обиды те не шибко и велики-то? – подначил я боярина.

– А кто их считал? Swei? – с улыбкой отозвался Качумасов. – По нашему-то счету вполне может и по-другому повернуться. И товару тыщ на триста могли пограбить да попортить. И людишек погубить не десяток-другой, а несколько сотен. Какую мы им обиду выкатим, такую и выкатим. А не согласятся – так их дело. Пушай тогда и не лезут со своим «сердечным согласием».

– А нам-то в том какая выгода? – усмехнулся я.

И Качумасов буквально расцвел, поняв, что полностью угадал мысли царя-батюшки. Но ответить не успел, поскольку в мой кабинет стремительно ввалился генерал-воевода Беклемишев. Мой, так сказать, военный министр.

– Звал, государь?

– Постой-ка рядышком, генерал-воевода, – кивнул я ему, – послушай, что нам боярин Качумасов о своих мыслях поведает.

– А мысляю я так, государь, – начал Качумасов, – свеи от того, чтобы напасть на поляков, никак не удержатся. Уж больно слаб ноне Ян Казимир. Само яблочко в руки падает, только подставь...

Ну вот, и этот туда же. Ох, ребята, не знаете вы пословицы: «Не все, что можно делать безнаказанно, следует делать». А я в ее истинности имел возможность убедиться не раз.

– ...А к нам оне относятся не шибко уважно. Один Оксеншерна нас за опасных врагов считал. Но стар он уже. Того и гляди преставится. А королеве Кристине и Карлу Густаву Пфальцскому слава свейского оружия в Тридцатилетней немецкой войне глаза застит. Да и купцы свейские их обоих вельми подзуживают. Наша балтийская торговлишка им совсем поперек горла стоит. Так что надобно ожидать, что, как только Оксеншерна преставится, оне нам тут же пошлины-то и подымут. А может, и раньше сие произойдет. Сразу по коронации Карла Густава. Ну а мы такого стерпеть никак не сможем. И опять же рижская замятня.

Я повернулся к Беклемишеву:

– Чуешь, откуда ветер дует?

– Точно так, государь, – расплываясь в улыбке, отозвался генерал.

Вот еще один воитель на мою голову. Впрочем, оно и к лучшему. Сейчас решить вопрос об окончательном выходе на побережье Балтики лучше всего. Шведы к войне не готовы, поляки сами начнут к нам в союзники проситься, хотя от них толку чуть, ну да какой-никакой, а будет. А датчане уже лет двадцать нас к себе в союзники против шведов затягивают. Так что можно одним выстрелом сразу двух зайцев убить – и моей старшенькой, Ленке, коя сейчас в датских королевах числится, любви и уважения подданных прибавить, и решить наконец вопрос с Зундской пошлиной⁸. А то что-то она слишком дорого стала мне обходиться...

– А не испугаются свеи с нами воевать-то? – снова развернулся я к главе Посольского приказа.

Но ответил мне не он, а Пошибов:

– Это навряд ли, государь. То есть в шибкую войну с нами они ввязываться не осмелятся. А вот этак, вроде слегка поучить, – глава моей секретной службы еле заметно усмехнулся, – вполне захотят. Карл Густав считает, что зазря Густав Адольф русского медведя совсем за озера, реки и болота не загнал, а только лишь пригрозил.

Мы с Качумасовым обменялись улыбками, потому как в таком мнении и Кристины, и Карла Густава была не только их, но еще и моя с главой моего Посольского приказа вина. Еще пять лет назад всем моим агентам при иноземных дворах, где бы они ни находились, велено было, едва только завидев на горизонте кого из шведов, тут же вступать с ними в разговор, в коем непременно упомянуть о том, какой грозный и великий полководец был покойный батюшка королевы Кристины и какой мудрый русский царь, заключивший с ним самое первое «сердечное согласие». Не вызывало сомнений, что большая часть таких разговоров непременно была донесена до тех или иных августейших ушей и явно подвигла их обладателей к мысли о том, что русские очень боятся шведов.

Я снова развернулся к Беклемишеву:

– Значится, так, генерал: торопиться не надо. У тебя еще не менее восьми месяцев. До осени шведы все одно в войну не ввяжутся, так что собирай полки с жилого и... жди главного командующего.

Генерал понимающе кивнул. А что тут было неясного? Понятно же, кого я имел в виду – Ваньку, своего старшенького. Он покамест торчал на Амуре, куда я его заслал еще пять лет

⁸ *Зундская пошлина* – плата, взимаемая Данией на протяжении XV–XIX вв. за проход через пролив Эресунн иностранных торговых судов.

назад, но по первому снегу должен был двинуться в обратный путь, оставив «на хозяйстве» моего среднего сына Данилу. Того я два года назад, сразу после выпуска из той же пушкарской школы, отослал в Уральскую вотчину, в коей у меня были сосредоточены самые продвинутые технологии. Подальше от излишне любопытных глаз, так сказать... В Приамурье теперь требовалось создавать свою промышленную базу, а то когда циньцы окончательно разберутся с Китаем, они вполне могут позабыть все договоренности и наплевать на заключенные союзы. И развернутся на север, дабы, как это называется, «обезопасить границы». Позволять им это делать я совершенно не собирался. Так что после того, как Иван разобрался с созданием там мощной военной инфраструктуры, заодно получив опыт организации обустройства новой территории, Данька должен был заняться там созданием инфраструктуры промышленной. После чего нас с Дальнего Востока уже никаким колом не вышибить...

– Все собирать, государь?

Я задумался. Общая численность армии при полной мобилизации могла составить почти двести пятьдесят тысяч человек. Из них около тридцати тысяч составляли даточные контингенты подвластных кочевых народов, около восьмидесяти тысяч садились в доведенные до полного штата гарнизоны крепостей и оставались в гарнизонах сибирских городков и острожков, еще двадцать тысяч составляли казаки, а остальное – полевая армия. Но это все только исходя из списочной численности. Реально же под ружьем у меня находилось всего около восьмидесяти тысяч – тридцать по крепостям и сибирским городкам и пятьдесят – в полевой армии, дислоцированной по военным городкам... ну не считая казаков и кочевников, кои жили по своим местам дислокации. Дело в том, что весь рядовой, сержантский состав и офицеры регулярной армии, за исключением кирасир, служили по принципу «три-два-три-четыре-три». То есть срок службы в мирное время был определен в пятнадцать лет. Из них реально в полку служивые проводили только девять лет. Остальные шесть – на жилом.

Сначала стрельцов, пушкарей или драгун призывали в учебные роты штатных полков, где они проходили первоначальную подготовку в течение одного года. После чего всех новиков отправляли уже в штатные роты, где их продолжали гонять в воинских умениях два-три года, параллельно прививая правила гигиены, а также расширяя кругозор и совершенствуя знания в цифири и письме в полковых школах. Наиболее смысленных ставили на должности капралов, из коих отбирались кандидаты в сержанты. Хотя по большей части капралы и сержанты набирались, конечно, из тех, кто служил уже второй служебный такт... Тем, кого отобрали, далее прямая дорога лежала в сержантскую школу, затем на должность и, при должном рвении и наличии способностей, даже и в офицерскую академию. Остальных после первоначальных трех-четырёх лет службы распускали на жилое. На два года. По истечении этого срока опять собирали в военном городке и после годичной переподготовки и нового слаживания еще на два года отправляли на гарнизонную службу. Откуда они опять распускались на жилое, чтобы теперь уже через четыре года опять собраться в военном городке и уже три года снова готовиться к полевой войне. По-старому служила только некоторая часть гарнизонов, в основном в сибирских городках. Но там я и не собирался ничего менять, поскольку тем гарнизонам в скором времени предстояло просто тихо уйти в небытие. Эти земли все больше и больше превращались из фронта во внутренние провинции моей огромной страны...

Итак, всех или нет? Армия – лучший инструмент построения государства. Причем не столько как военная сила, сколько как социальная структура. С ее помощью можно очень многое сделать с определяющей общественной силой – мужчинами. Именно вследствие вот такого моего подхода даже подавляющее большинство крестьян уже начало соблюдать правила гигиены и элементарные санитарные нормы, благодаря чему за последние двадцать лет в стране не случилось ни единой крупной эпидемии. И вообще, служивые среди крестьян и посадских были в большом авторитете. Ибо все они поголовно были куда как грамотнее большинства

населения, ну да для того солдатские школы и заводились, да и к тому же практически все они были людьми весьма денежными... ну когда уходили на жилое. Пьянство на Руси при мне было не шибко развито.

Бюджет у меня был достаточный, «пьяные деньги» для его пополнения мне были не нужны. Так что большинство стрельцов и драгун не пропивало, а прикапливало жалованье, чтобы появиться перед сродственниками и знакомыми таким «купчишкой», кой может запросто нанять артель, чтобы буквально за день-два поставить избу, купить корову или, скажем, поставить кузню либо гончарню «в доле», да и вообще почти что «помещиком». И эти денежные вливания в сельскую и посадскую среду очень ощутимо двигали сельскую и городскую экономику. Да и с демографией все было неплохо. Столь завидные женихи очень редко оставались невостребованными, а что касается трехлетних отлучек, так с таким денежным мужем вполне можно было и потерпеть три годика. Тем более что за первые два года на жилом служивые успевали заделать женам по паре ребятишек, а к следующему возвращению мужа со службы бабы уже были вполне готовы снова забрехотать...

Но двести пятьдесят тысяч бюджет никак не потянет. И так эвон сколько расходов. Одна стройка в Кремле уйму денег жрет. И конца-края ей не видать. Ну да Версаль, как мне тот дедок в Париже рассказывал, чуть ли не пятьдесят лет строили, а у меня тут едва ли не большие площади получают. Да и строят не в пример качественнее. Дуб на балки и перекрытия мореный идет. Специально под стройку пришлось под Москвой морильные пруды закладывать. И цареву службу лесничих создавать, для пригляда и насаждения лесов и боров с нужной древесиной. Впрочем, сие не только для дворца делалось... Более всего сажали дуб, бук и ясень, а также корабельную сосну в местах, из коих лес к верфям доставлять удобно. Корабли-то еще лет двести из дерева строиться будут – есть время вырасти. Потому как то, что само по себе росло, с такими темпами вырубки могло скоро закончиться. Ну хотя бы в наиболее удобных местах. Да и царевы дороги ох в какую копеечку обходятся. А с другой стороны – банк у меня работает вполне успешно, и треть денежного оборота идет через вексельные и ассигнационные схемы, так что золотой и серебряный запас накоплен достаточный. Выдюжу...

– Все собирай! – рубанул я рукой. – Надобно всю армию в бою опробовать. А то совсем разжирели, по военным городкам да гарнизонам сидючи. Да и по свеям надо так врезать, чтобы впредь более никогда в нашу сторону недобро не глядели.

Беклемишев слегка насупился. Ну насчет «разжирели» – это я, конечно, загнул. Ни одну армию в мире в настоящее время не готовили так, как русскую. Достаточно сказать, что одних пеших маршей за трехлетний «служебный» такт стрельцы должны были отмахать не менее восьмисот верст⁹. Либо по служебной необходимости, либо, коли таковой не объявится, для учебы. А драгуны и поболее – тысячу двести. Ну да учеба – не война. Перед той войной с Густавом II Адольфом тоже шибко готовились, а как на поле боя столкнулись – так едва выдюжили... А что касемо расходов – на год казны хватит, а там соберу Земский собор и снова введу чрезвычайный налог. У людишек в кубышках денег скопилось немало – поднатужатся... Зато сыну оставлю армию, в коей большинство служивых пороку понюхают в большой войне, да под залпами выстоят, да генералы опыт приобретут. Мне же в склепе спокойнее лежать будет...

– Значит, война, государь? – подытожил Качумасов.

– Ежели нас вынудят, – хитро усмехнулся я.

⁹ Верста – тысяча сажень, сажень – три аршина, аршин – около 71 см. Следовательно, сажень – более 2 м, а верста – более 2 км.

И все рассмеялись. Вынутят, как же. Да ежели государь того пожелает, то просто не смогут не вынудить! А что вы хотели? Я – старый волк и согласен воевать только тогда, когда сам к этой войне готов... а не когда к ней готовы другие.

3

– Фи-фи-фиу! – Лихой свист разнесся окрест, сбив с деревьев нахохлившихся снегирей и синиц.

Олениха с тремя уже заматеревшими молодыми оленями, продолжавшими следовать за матерью скорее по привычке, чем по какой-то особенной необходимости, прынула ушами и легким шагом двинулась в сторону противоположную той, откуда донесся этот лихой свист. Ибо он означал опасность. Так шумно вели себя в лесу только чужие. Эти чужие появились здесь не так уж и давно. И были очень похожи на один из народов леса, поскольку так же ходили на двух задних лапах, одевались в не свои шкуры и пахли опасным дымом, но тот народ знал и чтит лесные законы. Эти же вели себя как хотели, не соблюдая законов и не уважая установлений, и потому добра от них ждать не стоило. Следовательно, хотя ничто и не говорило за то, что чужие затеяли здесь свой буйный охотничий гон, поскорее убраться с их пути – было самым разумным поступком. А еще никто в лесу не мог упрекнуть олениху, что она хоть раз не прислушалась к голосу разума...

– Эй-гей-гей! – заорал шедший ходкой рысью в голове довольно многочисленной, под сотню всадников, кавалькады высокий молодец, одетый в форменный драгунский полушубок с погоном на левом плече, на котором посверкивали знаки различия лейтенанта. В руках он держал пику, увенчанную небольшим штандартом, означавшим, что в составе отряда едет член царской фамилии.

Ехавший в паре шагов вслед за ним всадник усмехнулся:

– Эк тебя, Лукьян, и свербит!

– Так домой же едем, царевич-государь! – весело отозвался драгун. – Жуть как по русским бабам соскучился. Эти дючерки надоели хуже горькой редьки. Потны, грязны – мочи нету.

– Угу, то-то ты с их деревни и не вылазил, – тут же поддел его другой всадник, – наверное, от шибкого отвращения.

Вокруг тут же охотно разлился громкий хохот. Сразу было видно, что кавалькада состоит из молодых, здоровых и полных энергии парней, которые всегда готовы всласть позубоскалить и повеселиться.

– Ты давай, Лукьян, похоть-то свою поумерь, – отсмеявшись, снова свернул на поучительный тон всадник, коего лихой драгун назвал царевичем-государем. – А то вскоре на уральских рудах окажешься. Это здесь, у диких народов, русскому девку подложить – в обычае и правиле. А мы ноне на Русь-матушку возвращаемся. Там ежели кого недобрым обычаем снасилишь – тут же в железа угодишь.

– Да почто ж недобрым-то, царевич-государь? – весело отозвался драгун. – Нешто на такого молодца, как я, какой горячий вдовушки не отыщется? Ни в жисть не поверю!

И все снова засмеялись.

Из Сунгаринской крепости царевич с конвоем выехал через несколько дней после ледостава. Вышли одвуконь да с вьючными, взяв во вьюки добро овса, поэтому шли ходко и за четыре дня добрались до Яроцкого острога, что стоял при слиянии Амура и Сунгари. Могли и быстрее, но на Сунгари лед пока был хрупкий, потому шли сторожко, часто уходя с реки на берег, что немного замедляло движение. В Яроцком остроге дали коням двухдневный роздых, да и сами попарились в баньке, отдохнули и отоспались в тепле. После чего, взяв проводников из местных, Амуром двинулись к Албазину.

В Албазине встренились с конвоем среднего брата царевича Ивана – Данилы, коий еще по чистой воде убыл на Амур встречать вызванных им из Уральской царской вотчины рудознатцев. Братья обнялись, потом Данила ехидно поддел брата:

– Что, старший, жениться едешь?

Официальной причиной того, что наследник престола следовал в столицу, действительно считалась его предстоящая женитьба. Нареченная невеста царевича, дочь нового португальского короля Екатерина Браганская, коей только-только исполнилось шестнадцать лет, аккурат по весне должна была отправиться в путешествие к своему будущему мужу.

– Еду, – усмехнувшись, отозвался Иван, а затем прищурился и подковырнул брата в ответ: – И надеюсь, что у меня первая брачная ночь сразу же опосля венчания будет. А не как у некоторых...

Данилу, несмотря на то что он был младше брата на три года, уже оженили. На дочери вассала Российского государства герцога Курляндского Якоба Кеттлера – Луизе Елизавете. По личной просьбе самого герцога. Якоб Кеттлер мечтал о развитии колониальной торговли, но втиснуться в эту чрезвычайно выгодную нишу можно было, только заимев собственные колонии, поскольку колониальная торговля была крайне монополизирована и ни испанцы, ни голландцы, ни французы, ни англичане, ни даже русские иностранных купцов в свои колонии не пускали. Более того, корабли под чужим флагом, застигнутые в собственных водах, считались призом. Герцог предпринял несколько попыток организовать свои собственные колонии – в Вест-Индии, на острове Тобаго, и в Африке, на острове Святого Андрея. Но ему было совершенно ясно, что сил одного его герцогства для их удержания крайне недостаточно. И потому он сделал хитрый ход, сосватав дочь за русского царевича и отдав в приданое за ней свои колонии, но оговорив при этом права своих купцов торговать в них беспопылинно. Как там дело пошло дальше, обоим царевичам было неизвестно, но, зная волчью хватку батюшки, а также уже имеющуюся у России в Вест-Индии опорную базу в виде полученного за их матушкой в приданое острова Гваделупа, ныне переименованного в Святую Марию, как раз в честь матушки, можно было предположить, что все курляндские колонии уже прочно закреплены за Россией...

Но дело было в том, что столь ранняя женитьба никакой регулярной семейной жизни Даниле не принесла, потому как брак был чисто политическим. Жена его была покамест шибко мала, ей только исполнилось восемь лет, и она жила в семье отца, однако через пару лет должна была отправиться в Россию для обучения в организованной матушкой царицей Подсосенской монастырской школе.

Так что Данила в ответ на подначку лишь расхохотался.

– Что нового слышно? – спросил Иван, когда брат успокоился.

В конце концов, Данила был на двадцать дней пути ближе к столице, чем он сам. И уже встретил пару зимних караванов, везших в Приамурье хлеб, коего там выращивалось еще сильно недостаточно, железо, свинец, а также иные необходимые товары и... людей. Организованное переселение даточных людишек в эти края государь приостановил уже давно, снова занявшись заселением Восточного Поволжья и Дикого Поля, но охотников переселиться на новые русские земли все равно было немало. Бывало, и до десяти тысяч за зиму набегало.

Данила пожал плечами:

– Много разного. Ольку за сына римского кесаря Фердинанда сватают.

– За какого?

– За Леопольда... он ноне у кесаря один остался.

– А старший где, Фердинанд Венгерский?

– Помер.

– Эх ты, так это Олька у нас императоршей станет? – поразился старший брат.

– Похоже, – снова пожал плечами Данила, его титулы волновали мало. Гораздо больше его волновала всякая техника. – Потом королева свейская Кристина от престола отрелась, и

ноне ее братеньник Карл Густав у свеев царствует. А еще свеи летом наших купчишек в Риге побили да пограбили.

– Свеи?

– Ну... вообще-то шепчут, что немцы рижские. Но поскольку они под свеями ходят, то...

Иван понимающе кивнул. А что тут говорить-то? Чья власть – тому ответ и держать. И вся недолга.

– А еще ходят слухи, что батюшка войска исполчает.

Иван радостно сверкнул глазами и хлопнул себя по коленке.

– Ну наконец-то! Эх и ввалим мы свеям, чтобы неповадно было...

– Ох, братик, – снисходительно посмотрел на него Данила, – все бы тебе воевать...

Иван рассмеялся:

– Ну, братик, ты прям как батюшка! И с чего бы это всё? Ну где я здесь-то воевал? За три года, что я здесь, токмо два рейда и было. Да и в них не воевали вовсе, а замиряли. Эвон, восемнадцать монгольских родов ныне не под журжениями, а под нами ходят. Нечто плохо?

– А ну как журжени обидятся?

Но старший брат махнул рукой:

– Ништо! Им сейчас совсем не до нас. Наоборот, еще сильнее в друзья набиваются и снова пушек и пицалей просят. У них на юге такие дела творятся, им там еще колупаться и колупаться. В общем, лет десять у тебя, братик, есть. Ежели... – Иван хитро прищурился, – батюшка тебя обратно раньше не потребует. Супружеский долг сполнять...

До Байкала добрались к середине декабря, так что Рождество встретили в Иркутске-городке, где отдыхали до наступления нового, тысяча шестьсот пятьдесят пятого года. А третьего января тронулись дальше.

К ледоходу успели добраться до Соли-Камской, где седмицу пережидали, пока шел лед, а затем загрузились на уже приуготовленные к их приезду лоды, поскольку о времени их прибытия было заранее отправлено известие по голубиной почте, и двинулись далее водой. Дошли до Рязани, а там уже конным ходом напрямки двинулись на Москву.

Уже на подъезде к Москве, в начале июня, выехали на строящуюся цареву дорогу. Вернее, то, что она строилась, было видно по тому, в каком она была состоянии, а вовсе не по тому, что на ее строительстве работало так уж много людей. На насыпи деловито ковырялось около двух десятков человек. Руководивший работами поляк в кунтуше, не позволявшем никаких сомнений относительно его национальной принадлежности, по-русски сняв шапку, поклонился царскому штандарту, но затем принял столь высокомерный вид, что царевич невольно натянул поводья и рассмеялся.

– Э-э-э... пшепрошем ясновельможному пану, – выудил он из памяти куцые знания польского языка. В царевой школе кроме обязательных греческого, латинского и немецкого он учил испанский и шведский. А из польского помнил с дюжину слов, краем уха ухваченных от тех, кто учил польский. – Можно спросить?

– Чем могу быть полезен сиятельному пану царевичу? – с достоинством отвечивал поляк.

– Я просто хотел поинтересоваться, как идут дела. Как люди, хватает ли? Не ленятся ли?

– Э-э-э, сиятельный пан царевич... – руководитель работ воздел кверху палец, – у вашего батюшки даже поляки не ленятся! А мы это дело куда как любим. Что уж говорить о русских?! А если вы хотите спросить, почему у меня работает так мало людей... Так на то есть простой ответ – крестьяне на полях. Людей на работы мне дают на месяц-полтора летом, после того, как крестьяне закончат сев и посадки овощей, и до того, как начнется уборка. А потом еще месяца на четыре зимой, с перерывом от Рождества до Крещения. И все! Рабочих рук бардзо мало. Если бы у меня было хотя бы столько же, сколько было, когда мы строили тот канал между

Цной и Тверцой... А с тем, что мне дают, мы будем строить эти дороги сто лет! Пшепрошем, я столько не проживу.

Царевич задумчиво кивнул. Да... чего уж тут говорить, ежели за пять с лишним лет, что его не было, построен только участок в тридцать верст! То есть этот участок, конечно, не один. Насколько Иван помнил, строительство вели сразу несколько артелей, на разных участках, но строительство царевых дорог явно затягивалось. А он теперь, после стольких лет на самом дальнем востоке страны, отлично понимал необходимость хороших дорог... Царевы же дороги должны были получиться на диво хороши – широкие, с выпуклой проезжей частью, с коей должна скатываться дождевая вода, да еще и укрепленной щебнем и такой ширины, коя позволяла свободно разъехаться двум армейским повозкам, с большими обочинами, с канавами для сбора дождевой воды про краям. Куда там римским виа, по примеру которых они вроде как и строились. Единственное, что те были мощеными... ну да лиха беда начало. И эти замостим! Но как ускорить строительство – неясно. То есть нет, как раз ясно. Нужны рабочие руки. Но где их взять? Вероятно, бригадам дорожных строителей и так выделяют максимум того, что возможно выделить, если не разорять крестьян. Если уж поляк не ругается, значит, большего действительно выделить невозможно...

До Москвы добрались к обеду следующего дня, заночевав прямо в лесу на бивуаке. И уже в столице узнали последние новости. Например, что Екатерина Браганская с посольством и в сопровождении своего младшего брата Альфонсу, ставшего наследником престола вследствие смерти старшего брата Тоеодосио два года назад, уже прибыла в страну и на данный момент добралась до Великого Новгорода. Но Ивана волновало отнюдь не это, пусть и касающееся его напрямую событие. И даже не то, что у отца в Александровой слободе сидело аж два посольства – датское и польское. Хотя то, что здесь оказались последние, было удивительно. И даже странно, поскольку ненависть польской шляхты к русским была общеизвестна, а отправить посольство без приговора сейма нынешний польский круль Ян II Казимир был совершенно неспособен... Молодого царевича волновало лишь то, что слухи об исполнении войска полностью подтвердились. Ибо сие почти точно означало, что войне – быть!

Так что в Москве царевич задерживаться не стал, сразу помчавшись в Александрову слободу.

Соскочив с коня на дворе старого дворца, коий служил его отцу, царю русскому Федору II Борисовичу присутственным местом, Иван бегом взлетел по ступенькам крыльца и, проскочив большую приемную залу, будто молодой вихрь, ворвался в кабинет отца. Отец был не один. За круглым столом сидели генерал-воевода Беклемишев, окольный Пошибов и глава Посольского приказа Качумасов, а также глава приказа Большой казны Трубецкой. Иван притормозил и, бросив взгляд на отца, который только кивнул ему, продолжая слушать главу приказа Большой казны, послушно сел, сверля отца горящими глазами.

Наконец боярин Трубецкой закончил. Царь помолчал, что-то черкая в своих записях, кои делал во время доклада, а потом отодвинул их и развернулся к сыну.

– Мать видел?

– Нет, батюшка, я...

Но царь не дал ему закончить.

– Что, на войну проситься прискакал? – недовольно спросил он и, не дав себе труда выслушать ответ, отрезал: – Не пушу. Нечего тебе там делать! У тебя свадьба на носу! Невеста через две недели уже здесь будет.

– Но, батюшка! – обиженно взревел царевич, не заметив, как удивленно округлились за его спиной глаза генерал-воеводы Беклемишева. – Как же это... Я ж...

– Людей убивать рвешься?

– Нет! – возмущенно воскликнул царевич, но тут же поправился: – То есть и это тоже делать придется, война же, но не для того я в войско рвусь. Удовольствия от душегубства никогда не испытывал и испытывать не буду. Но в войско я ехать должен. Да хоть кем. Хоть сержантом. Уж сию-то должность я потяну. Обучили! Я... славу и победу державе нашей принести хочу.

– Славу и победу? – усмехнулся царь. – А знаешь, сын, ни то, ни другое ей не очень-то и надобно...

При этих словах Иван впал в ступор. Как это славы и победы державе не надобно? Это что ж такое государь и отец говорит-то? А что же ей тогда надобно? Бесславие и поражение, что ли?

Царь с усмешкой наблюдал за волнами недоумения, которые одна за другой прокатывались по лицу Ивана, и вдруг спросил:

– А вот скажи-ка, сын, зачем нам война?

– Ну... как? Дабы свеев наказать!

– За что?

– За обиды давние. И недавние тож. Да за рижскую замятню! Оне же наших людишек побили да пограбили!

– Девять человек, – спокойно отозвался отец. – Ежели окольный, – он кивнул в сторону Пошибова, – более никого еще не отыщет. Но это вряд ли. Он искал тщательно. Прошлым летом таковых лишь семеро было, еще двое за зиму отыскались... У купцов за сезон в десять, а то и в сто раз более людишек гибнет. От болезней, татей или волной с кораблей смывает. Стоит оно войны?

Иван насупился.

– Ну... нет. Но оне ж нам пошлины...

– Пошлины они только в прошлом годе подняли. По осени. После смерти Оксеншерны. Да и не шибко. Мы на той же Зундской пошлине куда более теряем. Однако же с Данией воевать и не думаем. Наоборот, к союзу с ими склоняемся. Или я в сем неправ?

Царевич задумался. Похоже, отец устраивал ему нечто вроде экзамена. На то, как сын в политике разумеет. И тут надо было держать ухо востро.

– Я так думаю, батюшка, – начал Иван после некоторого размышления, постаравшись сколь возможно обуздать бушующие в нем чувства и отвечать кратко и по существу, – тут дело вовсе не в рижской замятне. Она – повод, не более. И не в пошлинах тяжких. А... в том, что свеи нас за горло держат. И всю нашу балтийскую торговлю, коей наше государство богатеет, вполне способны к ногтю прижать. И сделают сие, как только захотят. Вот за то, чтобы у них той возможности не было и чтобы мы могли завсегда свободно торговать, за то мы и будем воевать.

Отец некоторое время молча смотрел на сына, а затем на его губах мелькнула улыбка, и он кивнул:

– В общем, верно, сынок. Хотя... полной свободы никому, никогда и ни в чем достигнуть не удалось. Вот, скажем, ежели мы свеев разгромим...

– Да как же ежели-то, батюшка?! – вскинулся царевич, но царь Федор вскинул руку, и Иван послушно умолк.

– Так вот, *ежели* мы свеев разгромим, то полной свободы в торговле нам все одно не достичь. Потому как даже после того, как мы свеев с шеи скинем, датчане со своей Зундской пошлиной останутся, а там и англичане пакостить начнут. Эвон оне как голландцев-то в прошлом годе пощипали!¹⁰ Да и те же голландцы на нас уже очень давно недобро посматривают. Так что любой результат – всегда временный. Очень многое из того, что люди достигают

¹⁰ Имеется в виду первая Англо-голландская война 1652–1654 гг.

войной, можно достигнуть другими способами – соглашением, браком между наследниками, подкупом, да и просто демонстрацией своего могущества. Даже подкуп все одно обойдется дешевле войны. Потому что войны чаще всего разорительны. Не говоря уж о том, что в них гибнут люди, кои, а вовсе не золото, и есть главное богатство любого государства. Золото имеет свойство быстро кончаться, и ежели у тебя нет подданных, то взять новое тебе неоткуда, а вот если есть... – Царь замолчал.

Иван помолчал, переваривая сказанное, а затем осторожно спросил:

– Но зачем же ты тогда исполчаешь армию?

– Вот! – Царь наставительно поднял палец. – Добрый вопрос! И как ты думаешь?

Царевич несколько минут сидел, покусывая губу и напряженно размышляя, и наконец нерешительно произнес:

– Ну... *эта* война обойдется дешевле?

Царь усмехнулся.

– Она уже проделала здоровенную дыру в моей казне, а через месяц собирается Земский собор, который наложит на страну такую же денежную тяготу, коя была во времена Польской войны... Сумеешь подсчитать, сколь долго из тех денег мы могли бы платить *своям любые* пошрины?

– Тогда не знаю... – вздохнул царевич.

Его отец улыбнулся.

– А между тем ты прав. Война действительно обойдется дешевле. Но чем что? – Царь замолчал.

Царевич некоторое время ожидал продолжения и, не дождавшись, повторил:

– Чем что?

– А вот давай посчитаем! – рассмеялся царь. – Во-первых, армия будет воевать. Хорошо это или плохо? На первый взгляд – плохо. Мы же с тобой разобрались, что воевать дорого и накладно. Все проблемы можно решить миром. Но! Как ты думаешь, дадут ли нам возможность *всегда* решать их миром?

Царевич убежденно мотнул головой:

– Нет, конечно. Непременно кто-нибудь решит, что проще отнять либо принудить силой, чем договориться. И нападут. Даже ежели мы сами не будем хотеть воевать.

– Вот! Значит – воевать все одно придется. И, как ты верно подметил, не только тогда, когда сам решишь, но и тогда, когда тебя вынудят, хоть ты сего и не хочешь. Так?

– Так.

– А скажи-ка, сын, какая армия будет воевать лучше – та, вои коей до сего момента никогда и ни с кем не воевали, либо та, где уже пороху понюхали?

Сын усмехнулся. Мол, что за странный вопрос... Поэтому царь не стал ждать ответа, а сразу продолжил:

– Значит, пока нас не вынудили – стоит подгадать момент да и дать возможность понюхать пороху своей армии в той войне, в которой мы не токмо почти точно не проиграем... Тут угадать заранее невозможно, как бы сие ни казалось очевидным. Вона те же журжени вроде как куда как менее войск супротив миных имели, а гляди-кась, как оно обернулось! Но хоть в той, которая нам полной катастрофой не грозит... а в случае коль выиграем, еще и пользу принести может. С этим понятно?

– Да, батюшка.

– Считаю дальше. Своя сами воевать хотят?

– Ну... не знаю, батюшка.

– А где твои уши были, когда Качумасов о сем рассказывал?

– Так я же позже пришел, батюшка. Когда Трубецкой говорил.

– А... ну да. Ну так вот говорю тебе, что повоевать они не прочь. Потому как даже сейчас, когда у них казна пуста, нас себе ровней они не считают. И то сказать – у них армия из опытных, закаленных в боях ветеранов состоит. Противу немцев сражавшихся. А мы уже почитай семнадцать лет ни с кем не воевали. Да и тогда токмо супротив поляков, коих свеи со времен Густава II Адольфа за достойных противников не числят.

– Ну мы и супротив ихнего Густава Адольфа... – вскинулся царевич.

– Супротив Густава Адольфа мы бы выдюжили. Это точно. И в конце концов крепко его побиили бы. Но именно в конце концов, до коих мы тогда не дошли. И потому свеи считают, что, наоборот, это Густав Адольф нас пожалел. Вернее, не пожалел, а просто... ну вроде как на другое отвлекся. Более для него вкусное как бы. На Германскую войну... Ведь вообще очень немногие способны реально оценить, как дела обстоят на самом деле. Большинство, принимая решения, исходит не из реальности, а из кажущихся таковыми собственных иллюзий. Оксеншерна был из первых. А нынешний свейский король Карл X Густав – из вторых. Нет, он умен и опытный генерал, но вот правитель пока слабый. Потому как не знает главного принципа любого правителя, кой так точно сформулировал ректор нашего университета: «Подвергай все сомнению»¹¹. И убежден, что то, что он *считает* истиной, эта самая истина и есть. Понимаешь, о чем я?

Иван сосредоточенно кивнул:

– Да, батюшка...

– Тогда идем дальше. Достаточно ли того, чтобы считать войну выгодной для государства, ежели она позволит приобрести военный опыт армии и устраним угрозу торговле?

– Мне кажется, нет, – качнул головой царевич.

Царь удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Но что тогда нужно еще?

– Мне думается, что еще нужно сделать так, чтобы с этой стороны более никогда и никакой угрозы не исходило... ну как ты сделал с Польшей, батюшка.

– Вот, – опять кивнул царь, – верно говоришь. И как же этого добиться?

– Ну... надобно, во-первых, уменьшить свеям земли и население. Это их уже ослабит. А затем, как и на поляков, наложить большую контрибуцию. Пусть работают только на то, чтобы ее выплатить, и не о каких иных делах, могущих нам убыток учинить, не помышляют.

Царь снова кивнул, но как-то так, с легкой усмешкой, бросив быстрый взгляд в сторону главы Посольского приказа. И спросил:

– А скажи-ка, сын, какие земли ты полагаешь необходимым отторгнуть от свеев?

– Лифляндию!

– А хватит сего, чтобы они более нам неопасны были?

– Ну... не знаю. Может, и нет. Ну тогда и Финляндию. Более и не вижу ничего. Через море нам воевать свеев шибко неудобно будет. У нас и флот похуже, да и шхеры оне свои знают куда как лучше нас...

– Один урок – подвергай все сомнению – ты уже от меня услышал, сын, – задумчиво произнес царь, – хотя *усвоить* его тебе еще предстоит. Так вот, теперь слушай другой: ставя цель, трудности при ее достижении принимай как задачу, а не как основание для отказа в достижении. Вот скажи, достаточно ли будет отторгнуть от свеев Лифляндию и Финляндию, дабы навсегда обезопасить страну с этой стороны?

Царевич задумался, а потом покачал головой:

– Не могу сказать, батюшка. Свеев-то сие точно ослабит, но вот достаточно ли?

– Сие не ответ. Скажи как думаешь.

¹¹ Квинтэссенция картезианского «метода радикального сомнения», введенная в философию Рене Декартом.

Царевич еще несколько мгновений размышлял, а затем глубоко вдохнул и решительно кивнул.

– Да, государь. Для нас – достаточно.

Царь бросил еще один взгляд на боярина Качумасова и спросил:

– Эх ты сказал. Для нас – достаточно. А что значит – для нас?

Царевич Иван хитро сощурился:

– Дык не зря же у тебя, батюшка, здесь, в Александровой слободе, датский и польский послы сидят. Ежели и оне чего у свеев отторгнут, то тогда уж точно достаточно будет.

Все сидящие в кабинете царя переглянулись, а затем их взгляды снова скрестились на царевиче. И в них было куда больше уважения, чем при начале разговора.

– Значит, ты считаешь, что ежели мы у свеев Лифляндию и Финляндию отберем, то свеев это настолько ослабит, что нам их более опасаться не надобно будет... – Царь сделал короткую, едва заметную паузу и внезапно спросил: – А нас?

– Что – нас?

– Нас сие приобретение усилит либо ослабит?

Царевич снова задумался. По его прикидкам выходило, что должно усилить, но ведь отец не просто так спрашивает. Значит, в сем приобретении есть подвох. Но какой?

Спустя пять минут царь не выдержал и дал небольшую подсказку:

– А вот подумай, сын, почему я опосля Польской войны под себя токмо польские и литовские украины да бывшие земли Киевского княжества, православными населенные, забрал, а из самой Польши – ушел?

– Ну... – В глазах царевича, похоже, блеснуло озарение. Как будто он сего никогда раньше не понимал и даже считал то действие царя-батюшки ошибкой, а сегодня вдруг понял. – Наверное, потому, батюшка, что те земли сами под твою руку давно уже стремились. А поляков тебе к повиновению долго бы принуждать пришлось.

– Вот то-то, – усмехнулся царь. – Понял наконец-то...

– Прости, батюшка, – совершенно искренне повинился царевич. В первую голову за свое глупое разумение, что он-де лучше своего отца все про Польскую войну понял и оттого на цареву волю ранее даже сетовать решался.

– Так вот теперь и ответь мне: усилят ли нас эти земли, о коих мы толковали, или наоборот?

– Да скорее наоборот, батюшка. На тех землях скорее не нам, а свеям рады. Нам же противиться будут насколько возможно, где тайно, а где и явно...

– И как быть?

Тут царевич задумался надолго. Отец ему не мешал.

– А ежели... всех людишек, что там живут, оттудова выселить? И нашими даточными людишками те места все и заселить?

– А тех людишек куда?

– Ну... вон на царевых дорогах рабочих рук нехватка шибкая. Дай бог по несколько верст за год одна артель строит. А в Приамурье с бабами, ликом с нами схожими, просто беда. Да и в вотчинах да на черносошных землях и на заводах уральских рабочие руки никогда лишними не будут. Этих-то мы и похолопить сможем. Оне ж не православные... Тогда ведь свеям на тех землях совсем не рады будут. Даже ежели оне на них когда-нибудь и позарятся.

Царь медленно кивнул, разглядывая сына уже несколько другим взглядом, а затем снова спросил:

– А как ты думаешь, как можно свеев принудить к тому, чтобы оне согласились те земли нам уступить?

Царевич уже в который раз за сегодня не стал отвечать сразу, а задумался, а потом осторожно ответил:

– Я думаю, ежели мы людишек с тех земель уведем, оне им и так уж не шибко интересны будут, ну а еще... – он вздохнул, – да, государь, все одно нам на ту сторону, к Стокгольму перебираться надобно. Потому как в ином случае свеи никак с нами о таком мире договориться не согласятся. И ежели с армией ихней мы, даст бог, быстро закончим, то торговлишку оне нам совсем перекроют. Флотом. И так и будут по ту сторону моря сидеть, флотом своим нам разор и убыток творя. И куда больший, чем любые пошлины бы натворили. Но... как сие сделать, я пока, государь, никак не ведаю... – Царевич вздохнул и печально произнес: – Выходит, все верно – меня, окромя как сержантом в армию, и ставить неча. А сержантов у нас в войске и так в достатке...

Царь откинулся на спинку стула и несколько раз приложил одну ладонь к другой, как бы аплодируя сыну.

– Ну вот, сынок, цели сей войны ты понял. Каким образом их добиться, тако же теперь знаешь, ну почти... а посему – иди и командуй.

– Но... – Царевич Иван удивленно уставился на отца, потом оглянулся на Беклемишева, спокойно смотревшего на него, и снова повернулся к отцу. – Я? Но ведь ты же говорил...

– То я говорил другому, глупому молодому парню, коему очень хотелось просто повоевать. А ноне говорю царевичу, кой знает, что война есть зло, но знает и то, как из сего зла более всего добра для страны и людей, ее населяющих, выжать... Ну а я посмотрю, с какими убытками ты с сим справишься сумеешь.

Лицо царевича посуровело. Он встал, одернул мундир и коротко поклонился отцу.

– Слушаюсь, государь...

4

– Венчается раб божий Иван с рабой божьей Екатериной...

Я стоял и смотрел на сына и его невесту. Очень красивая получилась пара. Он – высокий, сильный, могучий, а она – хрупкая, гибкая, но горячая. Дай им Бог такой же любви, как и у нас с Машкой. И такой же верности. Впрочем, Иван у меня не шибкий гулена. Как мне докладывали, за все время, что он провел в Приамурье, завел токмо двух любовниц. Да и то, похоже, потому, что молодому, крепкому организму необходимо было куда-то сбрасывать лишние гормоны. Ну да дючеры своих девок с большим удовольствием подкладывали под «длинноносых белых воинов». Улучшали породу. Наши-то людишки в среднем едва не на голову их выше и куда могутнее... Впрочем, с Иваном у них случился облом. Я ему перед отправкой на восток подробно рассказал о методе высчитывания женских циклов. Так что он никаких байстрюков в Приамурье не оставил. А за полгода перед отъездом и вообще удалил от себя последнюю «жену», дабы даже и мыслей никаких не возникло, что где-то на востоке растет некий внебрачный отпрыск наследника русского престола. Он вообще у меня парень разумный, а взбрыки да глупости – от молодости. Ну да это тот недостаток, который со временем проходит...

Катюша принесла стране ошеломляющее наследство. Вместе с вожделенным Флоришем Жуану IV отдал за ней еще город и порт на острове в устье реки Улхас. Там, где располагалась бухта, которую они называли Бом Баи, то есть, как я понял, будущий Бомбей! Оговорив, правда, право своих собственных торговцев продолжать торговать там беспопылинно.

Ну да страна-то у него покамест вельми слаба, боится не удержать в одиночку-то. А я уже прославился способностью быстренько наводить порядок во вновь зацапанных землях. На Святой Марии, ну коя ранее Гваделупой звалась, английским пиратам хороший отлуп дали. А на Тобаго – голландцев в порядок привели. У курляндцев-то там едва три сотни человек жило, а у голландцев поболее тысячи. Вот оне их и задирали шибко¹². Так я быстро по казачьим зем-

¹² Курляндия действительно оказалась самым маленьким государством из всех, которые пытались осуществлять колонии-

лям велел охотников набрать. Им, опосля того как я под свою руку и Поднепровье взял, стало очень стремно за зипунами ходить. Потому как я это дело запретил. Не хрен мне проблемы с истамбульским диваном создавать, как полякам. А тут такое приключение намечается! Так что набралось почти полторы тысячи человек, коих я шустро на Тобаго и перебросил. Так оне моментально всех там в порядок привели. А сейчас докладывают, что мои казачки уже совсем освоились, обзавелись тартанами и шхунами и начали понемногу там за зипунами да невестами хаживать... Ох, чую, взвоят скоро карибское береговое братство, ох взвоят...

Но Бомбей, конечно, – подарок царский. Я даже слегка растерялся. Нет, Бомбей, несомненно, жемчужина Индии, да и сама Индия – не менее чем бриллиант, но это ж сколько бабла надобно, чтобы поднять еще и ост-индскую торговлю. Причем практически с нуля. Потому что никто из моих капитанов туда не ходил, маршруты неизвестны, опорные базы и промежуточные пункты не оборудованы. А у меня тут, знаете ли, война на носу. Впрочем... уже завтра, то есть в первый же день после венчания и наутро после первого свадебного пира, у меня была назначена аудиенция членам «государевой гостевой тысячи». Да-да, уже тысячи. Поскольку число богатейших торговцев России, чей годовой доход превышал сто тысяч рублей, давно перевалило за сотню. Вернее, уже за две. Потому сотня и была переименована в тысячу. На вырост, так сказать. Ну да когда я на царство повенчался, «гостей государевых» и всего-то чуть больше дюжины было. Да и годовой доход лишь у самых богатых из них до ста тысяч едва-едва дотягивал. А нонеча сей доход у «гостей государевых» лишь начальным числится... А сделано сие переименование было одновременно с введением ежегодного взноса за пребывание в сей тысяче размером в десять тысяч рублей. Торговый народец-то, конечно, был не шибко доволен, но деваться ему было некуда. Поскольку только члены «государевой гостевой тысячи» обладали правом самой прибыльной – зарубежной – торговли. Впрочем, и остальные купцы также были обложены этаким налогом. Кроме «государевой гостевой тысячи» я ввел еще «губернские гостевые тысячи», пребывание в коих стоило уже тысячу рублей. Им было предоставлено право торговать по всему государству Российскому, а также с иноземцами, но токмо на русской земле.

Всем же, кто торговал в пределах своей губернии, платить за права торговли не требовалось. Они платили только обычные торговые сборы и налоги. Вот такое вот послабление для мелкого и среднего бизнеса... Впрочем, согласно докладам, Россия все одно оставалась страной с самыми низкими налогами. Я добирал свое сельскохозяйственным и промышленным производством в собственных вотчинах и на черносошных землях, а также участием в десятке крупнейших в стране торговых товариществ, в коих нагло получал порядка трети всей выручки. А что вы хотели? За крышу так и платят. Тем более что большинство денег я как раз и расходовал на обеспечение максимально авторитетной и сильной крыши, то есть на армию и флот... а также на развитие той же торговой инфраструктуры – порты, каналы, дороги. Ну и на представительские цели, опять же. Столицу-то не для себя строю. Точно ведь тушку мою закопают раньше, чем она во всем благолепии предстанет. Эвон даже сейчас, во время венчания, новый-то собор весь в лесах стоит...

Так вот, «гости государевы» неспроста прямо завтра на аудиенцию напросились. Прослышали, видать, о Бомбее-то. И так и рвутся поучаствовать... Ну да и что ж, пушай. Чем более денег в границах страны копиться будет – тем лучшими окажутся стартовые возможности для промышленного рывка. А то эвон Витте пришлось столько французских кредитов набрать, что потом Россия у Франции на таком крючке оказалась, что ничем, кроме революции, это окончиться не могло. Это только красиво звучит: «Берите кредиты – и стройте. Деньги – дым, а все построенное у вас на земле и останется». Деньги – те же вожжи. И ежели их чутка у кого

альную экспансию. И в реальной истории первое успешное основание поселения на Тобаго герцогство осуществило только в 1654 г. В нашем повествовании более тесное сотрудничество Курляндии с намного более могущественной Россией вполне могло сдвинуть сроки на более раннюю дату.

перебрать – опомниться не успеешь, а уж ввездан. И никуда дернуться не можешь. Так и идешь телком по прямой дороге к революции и ипатьевскому подвалу. И ладно бы одной семьей все ограничилось! Хотя Николашку с семьей все-таки жалко. Не самые худые люди были, токмо дурные, ну да не живота ж за это лишать... Так ведь сколько еще народу после этого положить пришлось!

Поэтому я Путина с его Стабфондом таперича очень хорошо понимаю. Пусть будет. Пригодится...

Новобрачные пошли за патриархом, кой самолчно совершал таинство венчания, вокруг алтаря. Я повернулся и бросил взгляд на жену, припомнив, как мы с ней так же... Ох, лет-то уж прошло. Ваньке-то уж двадцать шесть! А и он только на пятый год нашей семейной жизни родился.

Крещение дочки Жуану IV на этот раз прошло без тех страстей, что сопровождали крещение моей Машки. Иннокентий X, кой был папой в то время, когда мы с Жуану токмо сговаривались, особым авторитетом не пользовался. Поскольку уже в начале правления показал себя подкаблучником матери своего кардинала-непота Камилло Барберини Олимпии Маидалькини, получившей вследствие этого прозвище «папесса». Весь его двор погрузился во внутренние интриги, из-за чего сил и внимания на интриги внешние осталось не слишком много. Так что Жуану IV плюнул на возможные возражения папы, между верой и выгодой выбрав союз с богатой и могущественной Россией. Ну а к тому моменту, когда планы дошли до реального воплощения, Иннокентий X так и вообще преставился. А избрание нового папы оказалось обставлено такими бурными дебатами и борьбой между Францией, Испанией, Австрией и могущественнейшими итальянскими кардиналами, что никакого дела до Жуановой дочки никому не было. Катенька прибыла в страну, месяц погостила под нашим с Машей крылом, в течение коего моя жена рассказала будущей невестке о своем собственном обращении из католичества в православие. А потом убыла все в тот же Подсосенский монастырь, кой после учреждения там первой царицной женской школы стал, по существу, Машкиной личной епархией, где под все той же непрекращающейся опекой моей жены после сорокадневного поста и была крещена под именем Екатерины. Ну чтобы к новому имени не привыкать...

Сын же все это время мотался по стране, обустроивая войсковые магазины, строя бараки для будущих рабочих, размещая заказы на лопаты, топоры, тачки и иной инструмент... то есть готовясь выжать из предстоящей, вернее, уже начавшейся войны максимум пользы для государства. Начавшейся – поскольку шведы уже к началу июля захватили Данциг, Эльблонг, Мальборк и продвинулись до Хелмно на юге и до Хайльсберга на востоке. И, похоже, останавливаться на этом не собирались. Ян Казимир обивал пороги всех соседей, от короля Чехии, Венгрии и императора Священной Римской империи германской нации Фердинанда III до государей Дании и России, но немцы помогать ему не очень рвались. У самих после еще десяти лет не прошло как закончившейся Тридцатилетней войны силенок было не шибко, да и османы с юга особенно расслабиться не давали. А мы с датчанами были не против, но все еще торговались между собой насчет Зундской пошлины. Я настаивал на заключении «выкупного договора» сроком на сорок лет, подобного тому, что был только что отменен с Нидерландами. Ну да те должны были платить триста пятьдесят тысяч гульденов в год, я же продавал сумму в сто тысяч, взамен пообещав выплатить первый транш сразу за десять лет. Чему мой зятек был очень рад, поскольку в преддверии войны ему очень нужны были деньги на наем и оснащение армии и флота. Сейчас спор велся только об одном: с какого момента считать сорок лет. Датчане предлагали с того года, как я заплачу деньги, я же, понимая, что с момента начала войны балтийская торговля сразу же резко упадет, а также имея задней мыслью то, как скакнет торговлишка после того, как мои купчишки развернутся в Бомбее, что также требовало некоторого подготовительного срока, настаивал, что срок следует считать с того момента, как

мы победим Швецию и заключим с ней мирный договор. Хотя это была уже борзота... ну да на том стоим. Все одно датчанам деваться некуда...

Так что на свою свадьбу сын еле успел, добравшись до Москвы только за два дня до того и не успев даже толком отоспаться.

Столы для пира накрыли в бальной зале, поскольку она была практически единственным полностью законченным помещением в новом дворце. А ни в каком ином помещении в Москве разместить тысячу шестьсот гостей было невозможно... Ну не то чтобы полностью – ее собирались еще перестраивать и украшать, но позже, а пока не трогали. В принципе по плану возведение стен и подведение под крыши большинства зданий в Кремле должно было закончиться года через три. А потом наступал долгий период отделки и украшения. Материалы для строительства везлись отовсюду – мрамор из Италии, малахит и порфир – с Урала, лазурит из державы Великих Моголов, нефрит из Китая, да всего и не перечислишь. Еще в самом начале строительства были отобраны две с лишним сотни отроков из числа одаренных «к лепке фигурной и богомазству лепому» и отправлены на учебу в Италию, Францию и Голландию к тамошним скульпторам и живописцам. Часть из них уже возвернулись и сейчас активно участвовали в украшении домов, кои уже были почти все построены в Белом и Китай-городе (ну да почти пятнадцать лет прошло с того, как начали), прекрасно осознавая, что лучшим из них будут даны заказы на украшение кремлевских дворцов и собора. Так что чертова европейская культура начала потихоньку проникать в пределы государства Российского. Кое-где уже и театры завелись, черт бы их побрал... Нет, мое негативное отношение к сему непотребству (ну так Синод постановил, я-то что) было всем известно. Поэтому непотребством сим баловались считай тайно, потихоньку. В дальних вотчинах. Но я прекрасно осознавал, что долго это не продлится. Ежели уж вошли в европейскую цивилизацию, то черпать будем оттуда полной мерой – и хорошее, и не очень.

Нет, в принципе насчет театра как такового или, если брать в более широком смысле, шоу вообще я не имел ничего против. У нас на Руси сие тоже вполне присутствует. Тех же скоморохов возьми. Но сколько же дерьма вокруг всего этого и сейчас уже образуется, а уж в будущем... И от этого никуда не деться. Уж так артисты устроены. Они же суть сосуды греха. А все потому, что актерская игра построена в первую очередь на излучении эмоции. Чем большую эмоцию ты способен продуцировать – тем более талантлив как актер. Причем ведь известно, что те эмоции, кои Божьи, то есть любовь, радость, счастье, – всегда индивидуальны. От лицедеев же мы способны получить лишь их жалкие суррогаты – страсть, похоть, торжество, злобу, гордыню, гнев, ненависть... Они буйны и необузданны, и тем привлекательны, но не возвышают душу, а губят ее. И не думайте, что мне тут дремучее средневековое окружение к концу жизни окончательно голову задурило. Просто я, уже вторую жизнь доживая, многое понимать стал. Не так-то уж по большому счету человек за четыреста лет изменился. Это нам всякие гаджеты глаза застят, а так – просто людям легче выживать стало, вот многие до седых волос по существу детьми остаются, а то и вообще до гробовой доски. Отсюда всякие новые и современные формы семьи, то есть всякие «пробные браки» да «гостевые браки», и образуются. Нет там ничего нового. Просто это *недосемьи*. Ну решили «дитятки» в семью поиграть, но как бы не всерьез, так, слегка, понарошку, не принимая на себя всех положенных обязательств... так и играют. И еще здесь, в этом времени, тоже не только любят, но и еще, как в оставленном мною будущем, *любовью занимаются*, только называется это более точно – похоть тешить. Ох как много понятно становится, когда на жизнь смотришь не токмо из растяжки в четыреста лет по времени, но еще и между материалистическим и религиозным мировоззрением...

Ну и, ежели вернуться к театру, мое негативное отношение к нему объяснялось еще и тем, что это было дело шибко затратное. Эвон, по сообщению моего агента при французском дворе, незабвенный братец моей Машки Людовик XIII, большой любитель этого дела, всю сочинял музыку и воодушевленно танцевал в разных придворных балетах, в том числе (зацените, чего

мне стоило в тот момент не заржать) в Мерлезонском! Так вот, как я специально разузнал, средняя постановка подобного балета обходилась ее братцу в пять – семь тысяч ливров. А некоторые и тысяч в двадцать. Причем таковых балетов за год ставилось несколько десятков. А ведь все эти денежки на развлечения пары-тройки тысяч человек из числа высшего света не из воздуха брались, а с крестьян да посадских. Нет, мое убеждение такое: место дворян – во главе стрелецких рот, на качающихся палубах кораблей, на стенах острогов, возводимых в дальних землях, а не в ряду пышно разодетых придворных, приплясывающих на театральных подмостках... А посему пусть таковые здесь появятся как можно позже!

Свадебный пир длился почти восемь часов. Впрочем, я и здесь не упустил своего, представив сотням высокопоставленных гостей, почти половина которых были иностранцами, прибывшими с посольствами иноземных государей на свадьбу наследника российского престола, новые продукты. А именно – красную икру, кою начали заготавливать на Камчатке и доставлять в Архангельск из Нижнеколымского зимовья Северным морским путем, ныне ставшим хоть и весьма опасной, но довольно оживленной торговой магистралью. И хотя навигация там была рискованной и ее длительность не превышала пары месяцев, но русские корабли по большей части проходили его всего за одну навигацию. За три десятилетия активного плавания в тех водах корабли Архангельской государственной дозорной эскадры и купеческие кочи и флейты успели составить очень неплохие карты и накопить статистику ледовой обстановки...

А еще шоколадные конфеты. Оба продукта пошли просто на ура. Ибо шоколад, скажем, здесь употреблялся исключительно в жидком виде. Так что надобно было ожидать, что с будущего года просвещенная Европа жадно набросится на новинки. Ну да все уже привыкли, что русские регулярно балуют Европу новыми изысканными товарами и кушаньями. А открытая при моем дворе школа поваров вообще пользовалась таким успехом, что меня даже обвиняли в том, что я использовал разрешение на прием в нее поваров некоторых европейских властителей в качестве рычага дипломатического воздействия. Напраслина! Ну ладно, пару раз всего-то и было. Вот только война все испортит. Ну да что делать... Ничего, в конце навигации все одно собираемся три четверти балтийского торгового флота в Архангельск перебрасывать. До конца войны основной поток товаров опять через этот северный порт пойдет – никуда не денешься...

Свадебные торжества длились почти целую седмицу. Судя по весьма удовлетворенным лицам молодых, с коими они появлялись на завтраках, они друг другу понравились, да и в постели у них все неплохо сладилось. Совет да любовь... Авось еще и внуков успею понянчить.

Между тем дела шли своим чередом. «Гости государевы» действительно прослышали о Бомбее и рвались организовать новое товариство. Я повелел организовать цельных два, в кои благосклонно согласился войти на прежних условиях. А также организовать при каждом ссудный банк, дабы возможно больше купцов могли бы войти в число «гостей государевых» и вступить в сии товариства. А тако же в любые другие. Число «гостей государевых» надобно было множить всеми возможными путями, уж больно добрый доход оне государству приносят... Подготовка же к войне вышла на завершающую стадию. Я наконец-то договорился с датчанами, а с южных и восточных границ государства стронулись-таки даточные отряды кочевников. Они должны были добраться до Полоцких, Себежских, Псковских и Новгородских земель, в коих и предстояло сосредоточиваться армии, месяца через три с половиной. И начать действовать они должны были прямо зимой, для чего в армейских магазинах сейчас накапливались запасы овса. И тут пришло известие, каковое я посчитал прямо подарком. Хотя оно слегка нарушало наши планы...

Мы как раз закончили семейную трапезу, после которой Катенька весьма бойко со мной пощебетала (по-русски она говорила уже весьма бегло, с небольшим милым акцентом), когда в трапезную буквально влетел взъерошенный Качумасов.

– Государь! Голубиная почта пришла. Свеи Ивангород осадили.

Все замерли. Мы с Иваном скорее обрадованно, а наши женщины испуганно. Я несколько мгновений переваривал известие, а затем ухмыльнулся. Ну, Карл Густав, такого подарка я от тебя не ожидал! Это ж как пренебрежительно надо было к нам относиться, ежели в том состоянии, в коем сейчас находилась Швеция, рискнуть самолично напасть на Россию. Я протянул руку, и Качумасов отдал мне узкую полоску голубинового письма. Ах вот как... значит, они сие совершают для «предупреждения необдуманных действий государя московитов, вступившего в тайные сношения с поляками, и понуждения его к миру», да еще обещают «вернуть город царю после окончания военных действий и заключения мира с Речью Посполитой, ежели царь московитов будет следовать голосу разума». Ну-ну. Я ухмыльнулся и передал полоску голубинового письма сыну. Он быстро пробежал ее глазами, а затем поднялся, сопровождаемый испуганными взглядами двух женщин – матери и жены и одним восхищенным – сестры Ольги, и спросил:

– Выступаем, государь?

Я мотнул головой:

– Нет.

Иван замер, потом медленно кивнул и опустил на место. Ай, молодец! Не полез тут же в бутылку – люди гибнут, на помощь идти надо, врежем по шведу и так далее! Молчит – сам думает и моих разъяснений ждет. Толковый государь растет, ой толковый...

– Ну не здесь же о сем говорить. Пошли в кабинет, – распорядился я.

В кабинете нас уже ждали. Пошибов, Беклемишев и генерал Турнин, инспектор крепостей. Интересно, а его кто додумался позвать? Если Аникей – так то понятно, а если Беклемишев – то молодец, хвалю. Ну да потом уточню...

– Ну-с, давайте думать, как дальше действовать будем, – начал я заседание нашего штаба.

– Надобно помощь Ивангороду послать. Там большие магазины накоплены. Ежели свеи его возьмут – изрядный убыток войску будет, – подал голос Беклемишев.

– А возьмут? – усомнился я. – Комендант пишет, что свеи малым войском подошли – в двенадцать тысяч, не более. И артиллерии у них всего-то полсотни стволов, да и та вся небольшого калибра. Нешто гарнизон крепость не удержит?

Беклемишев молча развернулся к Турнину.

– Ежели таким числом да с не шибкой артиллерией – то не должны взять, государь, – отозвался инспектор крепостей. – Я в Ивангороде по весне дважды был. Учения проводил. Гарнизон там добрый. Крепостной артполк тако же вельми обучен. И ополчение неплохое. К тому же там инженерная рота стоит, коя магазины строила, так что и минную войну свеям куда как сложно вести будет. А припасу там ноне действительно на десять лет осады хватит. Вот ежели больше подойдет, да с хорошей артиллерией... Крепость-то там старая, бастаионов нету, стена прямая, кирпичная. Таковую крепость взять – не вельми большой труд надобен.

Я почувствовал в его голосе оттенок недовольствия. И действительно, Беклемишев мне докладывал, что ежели западная и юго-западная границы страны крепостями укреплены добро, то вот на северо-западе дело обстоит не шибко хорошо. Крепости старые, еще при дедах-прадедах строенные и правильную осаду выдержать неспособны. Но я денег на обустройство этих крепостей не давал. Все одно границу переносить думаем, да и нет их особенно. На другое были надобны...

– А ежели все-таки потеряем город и магазины в нем – насколько все хуже будет?

– Намного, государь, – вздохнул мой генерал-воевода, – почти четверть всех запасов там. Может, еще и поэтому свеи на город напали, что до них слухи дошли о тех воинских запасах. Им сейчас в Речи Посполитой оне шибко надобны.

Я откинулся на спинку своего кресла. Итак, следовало решить, что делать дальше. Ломать весь тщательно продуманный и разработанный план кампании этого года (всю войну планировать смысла не было, так, прикидки были, а там – бой покажет) и быстрее бросаться на помощь

Ивангороду либо продолжать следовать плану, внеся, естественно, в него необходимые коррективы.

– Что скажешь, боярин? – обратился я к Качумасову.

Тот ответил не сразу.

– Я так думаю, государь, то, что Карл Густав на нас сам напал, это и плохо, и хорошо. Плохо, потому как наши людишки гибнут, да еще те, коих, по нашим планам, война вообще коснуться не должна была, и эвон запасы военные под угрозой. А хорошо то, что сим он с нас всю, даже малую вину за наше вступление в войну снял. И перед народом нашим, коий нам на Земском соборе уговаривать бы пришлось, а ноне, я считаю, он нас сам уговаривать начнет. Да еще и попеняет, что со свеем так долго тянули. И перед иноземными государями, об убеждении коих в свейском недобром противу нас умыслии мы так крепко думали. – Глава Посольского приказа замолчал и обвел всех присутствующих спокойным взглядом.

Все тоже молчали. Даже Ванька. Что меня снова порадовало.

– Поэтому, я думаю, торопиться нам не след, – продолжил Качумасов, – надобно на силу и стойкость людей русских уповать и все по нашему раннему плану делати. Войско развернуть. Королям и народам иноземным о свейском вероломстве как можно шибче рассказать. А и к самому Карлу Густаву послов направить с увещеванием, о сем действе погромче раструбив. Дабы потом, когда мы их шибко давить будем, как можно более многие считали, что свеи-де сами в своей судьбе виновны. Пусть не в том, что мы с ними воевать начали, потому как мы к сему готовились и это многим ведомо, так в том, *как* мы с ними воюем. Я эвон до сего дня едва голову не сломал, думая, как тех же англичан да французов с голландцами убедить не встречать, когда мы уже Финляндию под себя подгрести будем. Им-то любое наше усиление ой как поперек горла встанет. Тут же вой подымут да на защиту свеев кинутся.

– А так не кинутся? – усмехнувшись, спросил я.

Уж на что-что, а на продажность, самовлюбленность и меркантильность западного так называемого общественного мнения я вдоволь насмотрелся еще в двадцать первом веке. Одна осетинская война чего стоила. Ребятки даже разобраться не удосужились – просто брали ролики, где грузины на своих танках вступали в *южноосетинскую столицу Цхинвал*, постреливая по окнам жилых домов из крупнокалиберных зенитных пулеметов и танковых пушек, и ставили их в эфир, давая подстрочный комментарий, что вот так вот, мол, *русские варвары* вступают в *грузинский* город Гори...

– Кинутся, конечно, государь, – вздохнул Качумасов, – да токмо, надеюсь, чуток позже, числом меньшим, да и пылу хоть чуть поменее будет.

Я молча кивнул и развернулся к Беклемишеву. Тот сидел, наморщив лоб, но, заметив мой взгляд, по военной привычке поднялся.

– Я тоже думаю, государь, что надобно и далее плану следовать. Даст Бог, выстоит Ивангород, ну а коли нет – обойдемся без тех запасов. Все одно с излишком копим. Да и, как было запланировано, первыми в Лифляндию даточные кочевники войдут. Людишек имать и местность зорить. Дабы свеям армию, кою они непременно пошлют, когда увидят, как дело поворачивается, из самой Швеции снабжать да содержать надобно было. А кочевники завсегда с добычи жили. Прокормятся. А что люди наши, коль свеи крепость возьмут, под них угодят – так ведь ненадолго сие. Не позднее Рождества крепость возвернем. Точно.

Я повернулся к сыну. Он молча кивнул.

– Ну что ж, значит, так и порешим, – закончил я обсуждение.

Когда мои ближники покинули кабинет, я повернулся к сыну, коий остался сидеть, задумавшись.

– Ну что, спросить что хочешь?

Иван кивнул и, подняв на меня взгляд, тихо заговорил:

– Понимаешь, отец, ты сам меня всю жизнь учил, что своих сдавать нельзя, что если где-то кому-то из своих плохо – то нужно мчаться ему на помощь, не теряя ни мгновения. И я всегда считал, что это – абсолютная истина. Но...

– Сегодня мы решили оставить без помощи своих, коим она необходима, так? – спросил я прямо, освобождая Ваньку от необходимости смягчать формулировки.

– Где-то так, – кивнул сын.

– А чего ж ты сразу о сем не спросил?

Иван вздохнул:

– Да потому, что за те два месяца, что прошли с момента моего возвращения, я научился от тебя едва ли не большему, чем за предыдущие лет десять...

– Почему так? – заинтересованно прервал его я.

– Ну... мне кажется, потому, что снова, но уже по-другому, по-взрослому, что ли, *начал учиться*, перестав наконец считать, что сам уже все лучше знаю и понимаю. Как, например, когда только уезжал в Приамурье. Ох каким умным и все на свете знающим я тогда себя чувствовал... – Ванька тихонько рассмеялся. – Встань этот вопрос передо мной – тем, ух какую речь я закатил бы!

– А сейчас не закатаешь? – улыбнулся я.

– Да нет, – мотнул головой Ванька, – но вот понять – хочу. Где я недодумал? Что не до конца понял?

– А вариант, что я тебе просто врал тогда – не рассматриваешь? Ну, может, не нарочно, а так, по малолетству, мол, когда подрастешь, жизнь узнаешь, вот тогда я тебе и расскажу, как оно все на самом деле устроено. И как государю поступать должно?

– Нет, – твердо ответил сын. – Уж что-что, а врать ты мне никогда не врал. Даже в малом. Ну там в обещании сладостей или еще в чем таком. И... большое тебе за то спасибо. Потому как я теперь уже знаю, что далеко не все родители со своими детьми так поступают.

И от этих слов у меня на душе потеплело. Это очень важно, когда дети наконец-таки вырастают настолько, что могут понять и отдать должное словам и поступкам своих родителей. Значит, их правильно воспитывали. И в таких семьях поколения никогда не расходятся навсегда, оставляя в душе одних горечь – мол, растили-растили, ночей не спали, во всем себе отказывали, и вот благодарность, а в душе других крик – ну как же вы меня достали, когда ж вы меня в покое оставите?!

– Ну что ж, тогда я скажу тебе просто. Остальное ты сам поймешь. – Я сделал паузу, задумываясь, как бы поточнее сформулировать. Вот бывают иногда такие моменты, когда вроде как сам все понимаешь, а как это *все* словами выразить – мозги закипают. И очень часто такое бывает как раз в разговоре с детьми... Умеют же поставить в тупик. – Есть многое, что дозволено государю. Всего не перечислишь. И среди этого всего – есть право послать на смерть. Верных. Лучших. Родных. Их послать, а самому остаться, не пойти. Но! Запомни это, сын. Накрепко! Нет и не может быть у государя никакого права допустить, чтобы погибшие – погибли зря. Потому что тогда дерьмо он, а не государь. Каждая, ты понял, сынок, *каждая* смерть должна быть окуплена. Понимаешь?

Иван медленно кивнул.

– Так вот сейчас я не токмо те смерти на весах взвешиваю, кои вои наши в Ивангороде без нашей скорой для них помощи примут, а вообще все, кои в этой будущей войне случатся. И думаю не токмо о том, как их общее число уменьшить, но и как за них возможно большую выгоду для страны поиметь. Вот так вот...

5

Генерал Якоб Тотт был разбужен какими-то странными звуками. Быстро накинув мундир, он выскочил из палатки и недоуменно уставился на противоположный берег реки, где разворачивалась весьма необычная картина. Над шведской крепостью Нарвой с громким шипением вздымались яркие, медленно летящие... ядра? Нет, это были не ядра. Но явно какие-то снаряды, в прозрачном рассветном воздухе очень напоминавшие тех существ, звук коих они так похоже имитировали. То есть змей. Массивная голова и длинный огненный хвост... Это снаряды плавно и величественно отрывались от земли, затем взлетали над городом, а потом, неспешно развернув голову вниз, со странной, этакой плавной стремительностью бросались на свою жертву.

– Что это такое, черт возьми?! – раздраженно бросил в пространство генерал.

– Я думаю, господин генерал, это московиты, – почтительно ответил генералу капитан Йохансон, один из офицеров его штаба.

Он, как выяснилось чуть позже, как раз направлялся к палатке генерала, чтобы разбудить его и доложить, что канаты наплавного понтонного моста, выстроенного через реку Нарву, внезапно оказались перерезаны и остатки моста теперь плывут вниз по течению. И что вследствие этого вся их армия, осаждавшая это проклятый московитский город, внезапно оказалась отрезана от Нарвы, являющейся ее основной базой снабжения.

Первые известия о появлении русских генерал получил около пяти дней назад. Из Нарвы прискакал гонец, привезший письмо, в котором комендант города извещал командующего шведской армией о том, что в окрестностях города появились кочевники-московиты, вооруженные луком и саблей, кои занимаются разбоем и похищением крестьян. Но он уже послал против них отряд драгун, так что к вечеру с ними должно быть покончено. Но на всякий случай он все равно решил известить о сем генерала.

Якоб Тотт отослал гонца с вежливым ответом, в коем информировал коменданта, что ценит его любезность, но даже не предлагает помощи, поскольку, так же как и комендант, считает, что четырех десятков драгун вполне достаточно для разгона этой банды московитов. Даже если их неожиданно окажется не полсотни, как сообщали испуганные крестьяне, кои, как известно, вообще склонны преувеличивать опасность, а в два или даже в три раза больше.

Обменявшись любезностями с комендантом, он тем не менее велел выставить караулы у понтонного моста, коий до сего дня не охранялся, ну и поставить еще пару караулов вокруг лагеря. Внезапной атаки он не опасался. Местность вокруг лагеря регулярно прочесывали конные патрули из тех же драгун, а еще он в первый же месяц этой проклятой осады велел возвести и циркумвационную, и контрвационную линии, как бы это ни выглядело смешным в войне против такого слабого противника, как московиты. Он был опытным генералом, поэтому предпочитал лить пот солдат, нежели их кровь. И хотя его не слишком большая армия занималась этим нелегким трудом целый месяц, как раз вследствие малочисленности рабочих рук, зато теперь он мог быть спокоен на случай попытки внезапного нападения.

Следующие несколько дней принесли еще сюрпризы. Причем по большей части неприятные. Так, например, выяснилось, что посланный драгунский отряд был перебит. И еще один, коий комендант отправил через два дня после первого, собрав туда всех драгун, остававшихся у него в гарнизоне, тоже. Солдат гарнизона генерал Тотт забрал в свою армию, посчитав, что рядом со столь сильной армией городу ничто угрожать не может, а солдаты в осаде ему не мешают, драгунов же брать не стал. Для несения патрульной службы ему хватало и своего полка, а отправлять драгун штурмовать стены он бы решился только в самом крайнем случае. Что случилось с этими отрядами, генерал и комендант смогли выяснить только после того, как генерал отправил на поиски аж три роты драгун. Те попали в засаду московитов, но сумели

прорваться сквозь их неожиданно дружный огонь и опрокинуть противника. Однако, начав преследование, они нарвались на еще одну засаду и сочли за лучшее прекратить погоню. После чего неподалеку от места первой засады были обнаружены тела драгун обоих предыдущих отрядов. Не все. Примерно половину тел обнаружить не удалось. Но генерала это отнюдь не обрадовало, ибо, скорее всего, участью необнаруженных стал плен. Из тех же, что отыскиали, десятая часть драгун была побита стрелами, а тела остальных имели отметины огнестрельных и сабельных ран, вероятно и ставших смертельными.

Приблизительно у четверти погибших было перерезано горло, что привело шведских солдат в крайнее негодование. Убивать пленных?! Неслыханная жестокость! И хотя большинство зарезанных, судя по характеру ранений, вряд ли прожили бы более часа, все одно – это московитов никак не оправдывало. Правда, капитан фон Штайн, немец, служивший в шведской королевской армии по контракту (многие немецкие офицеры после окончания Тридцатилетней войны разлетелись по разным странам, предлагая свои услуги), предположил, что, похоже, тут действовали не совсем московиты. Судя по описанию – низкорослые лошадки, луки, халаты и мохнатые шапки – скорее, это был южный народ, называемый тартары. Подданным императора не раз приходилось сражаться с ними, поскольку они всегда входили в состав османских армий. И занимались в них тем же, чем, похоже, занимались и здесь, – грабежами и поимкой пленных, коих потом с большой выгодой продавали османским работоторговцам. При этом в их обычае было безжалостно вырезать тех из пленных, кто не мог передвигаться достаточно быстро... Вот только как они оказались здесь, на севере, так далеко от своих кочевий, да еще в армии московитов, с коими они обычно воевали, фон Штайн предположить затруднился. Как и то, откуда у диких кочевников огнестрельное оружие, да еще в таком количестве, что закаленные шведские ветераны не смогли выдержать обстрел.

Впрочем, и до этих известий дела у шведов обстояли не слишком хорошо. Осада города просто неприлично затянулась. Впрочем, тому были объективные причины. Осадной артиллерии у генерала не было, а обстрел хоть и старых, но еще довольно прочных стен московитского города из полевых орудий наносил им столь слабый ущерб, что генерал уже через неделю приказал прекратить бесполезную трату пороха. Его и так было не слишком много. А стало еще меньше, после того как русские сумели вычислить обе заложенные шведскими инженерами сапы¹³ и подорвать первую из них, вследствие чего генерал лишился большинства своих инженеров и саперов, а вторую перенять, захватив весь заложенный в пороховую мину заряд пороха. Слава богу, с остальным у его армии проблем не было. Сказывалась близость Нарвы, через которую в войска генерала бесперебойно поступало все необходимое. Ну до сего дня...

– Капитан Йохансон, организуйте поимку лодок из распавшегося понтонного моста, и... полковников Фергюссона и Горна ко мне, – коротко распорядился генерал, разворачиваясь и направляясь в свою палатку, чтобы привести себя в порядок.

День начался гораздо раньше, чем он рассчитывал. Ну да, значит, так захотел Господь. Ибо он никогда не оставлял своим благоволением своих верных сынов, коих вся Европа, кто со страхом, кто с благоговением, именovala северными львами. Московитский медведь рискнул вылезти из своей берлоги. Что ж, шведский лев быстро загонит его обратно...

Командиры Далекарлийского полка полковник Свен Фергюссон и драгунского Седерманландского полковник Клаас Горн прибыли в палатку генерала ровно через полчаса. За это время Тотт успел умыться и одеться и как раз завтракал приготовленной ординарцем яичницей. Впрочем, к приходу полковников он уже закончил и смог сразу же приступить к постановке боевой задачи.

¹³ *Sapa* – потайная подземная галерея, предназначенная для подведения под крепостную стену пороховой мины, с помощью которой в стене проделывался пролом. От нее пошло и название «сапер», и выражение «тихой сапой».

– Итак, господа, я расцениваю произошедшее как попытку московитских разбойников лишить нас базы снабжения. И должен признать, начали они неплохо. Разрушение понтонного моста лишило нас возможности немедленно оказать помощь городу, который, как вы знаете, почти не имеет гарнизона. Но торжество московитов продлится недолго. Обстрел их новыми снарядами, на мой взгляд, не выглядит достаточно эффективным, к тому же в городе распоряжается толковый шведский комендант, так что даже если московиты и решатся на немедленный штурм, уверен, Нарва сумеет продержаться столько, сколько понадобится, чтобы мы успели прийти на помощь. Оказать ее я поручаю именно вам, господа. Вам, полковник Горн, надлежит выслать людей вдоль берега реки, они должны отыскать и перехватить те лодки из разрушенного московитами понтонного моста, кои успели отплыть далеко от лагеря, затем вы вместе с полковником Фергюссоном посадите своих людей на...

– Господин генерал, – бесцеремонно прервал его буквально ввалившийся в палатку капитан Йохансон, – Нарва горит!

– Горит? – Генерал недовольно свел брови. Что бы там ни происходило, шведский офицер не должен забывать о субординации и правилах обращения младшего к старшему. – Ну и что? Обстрелы часто приводят к пожарам, так что не вижу никакого основания удивляться тому, что...

– О, господин генерал, – крайне невежливо прервал его капитан, – вы посмотрите, *как* она горит!

На этот раз генерал уже едва удержался от того, чтобы отчитать своего офицера за вопиющую несдержанность, но он знал капитана Йохансона уже давно, поэтому нотки отчаяния, явно слышавшиеся в его голосе, заставили Якоба Тотта на время отложить разбор возмутительных манер капитана и встать и выйти из палатки.

– Да-а-а, – протянул генерал после трехминутного молчания, – я ошибся, господа. Московиты применили воистину дьявольское оружие. И Господь непременно покарает их за это. Такое чудовищное пламя... – Генерал вздохнул. – Что ж, господа. Я отменяю свой предыдущий приказ. Московиты совершенно точно не будут штурмовать город. Там нечего штурмовать... – Будто в подтверждение его слов, из-за стен Нарвы донесся грохот взрывов. Генерал горько усмехнулся и добавил: – И у нас больше нет никаких запасов. Поэтому... капитан, сообщите всем командирам полков, что я хочу видеть их у себя через час. Мы... снимаем осаду. Она более не имеет смысла.

Но через час генералу Тотту пришлось обсуждать совсем не тот вопрос, что он планировал, поскольку примчавшийся драгунский патруль сообщил, что к лагерю его армии приближается большое войско московитов.

Иван чувствовал сильное возбуждение. Войско, вместе с которым он двинулся в Лифляндию, составляло ровно треть всех русских сил. Тридцать тысяч пехоты, пять тысяч регулярной и десять тысяч союзной кочевой конницы при двух полевых артиллерийских полках. То есть с учетом полковой артиллерии в войске имелось более двухсот орудий. И еще доселе невиданная новинка – ракетный полк. Новое, до сего времени неизвестное русское оружие, кое, однако, все видевшие его в действии оценивали не слишком высоко. Ибо придуманные каким-то размыслом снаряды били хоть и довольно далеко, не менее чем на версту, а самые большие почти на полторы, но все же неточно. Попасть одиночной ракетой хотя бы и в полк, даже стоящий на месте, нужно было умудриться. Да и из залпа в десяток ракет попадания в таковую цель получались токмо случайно. Но государь повелел ракеты делать, а для их применения сформировать три ракетных полка, на вооружении коих было по восемьсот пусковых треног, к каждой из которых было положено по тридцать ракет. Еще один такой полк входил в состав армии Беклемишева, двигавшейся из Полоцка к Риге, а третий с еще одной русской армией сейчас направлялся к Вендену из лагеря под Псковом. Еще одна русская армия, а вернее, корпус под

командованием генерала Никиты Ванхорнова, сына голландского капитана Эразма ван Хорна, одним из первых пришедшего на службу к русскому царю и вскоре после этого принявшего русское подданство, а затем и православие, скорым маршем двигался к Режице.

Войско, с которым шел царевич, было самым большим, потому что его противником выступала единственная имеющаяся в Лифляндии шведская армия. После ее разгрома войско должно было двинуться на Дерпт, коему теперь вновь предстояло стать Юрьевом, а затем на Ревель, коему после этого надлежало впредь именоваться Колыванью. Ну да пока до воплощения этих планов было еще далеко. Сначала предстояло разгромить шестнадцатитысячную шведскую армию, которая, несмотря на подавляющее численное превосходство русских, все равно была противником сильным и опасным.

Первым в дело вступила союзная конница кочевников – переправившись через реку Нарва, она начала разорять земли Нарвского лена, захватывая крестьян и грабя деревни. За каждую живую душу в приемных избах, обустроенных под Псковом, как раз на месте покинутого армией района сосредоточения, кочевникам было обещано за мужчину – десять копеек, за женщину – семь, за дитенка любого пола и возраста – пять. Причем батюшка сомневался, не стоит ли уравнивать всех, дабы у кочевников не было соблазна в случае опасности избавляться от более «дешевого» ясыря. Брать грех на душу, побуждая сынов степей простодушно резать женщин и детей, не хотел никто. Но затем решили оставить так. Ибо, по всем расчетам, в Лифляндии кочевникам было не от кого убегать. Единственная реальная сила шведов была сосредоточена у Ивангорода, а гарнизоны в остальных городах стояли ну просто очень хлипкие. От десятка до максимум, в Риге, трех сотен солдат и драгун.

В помощь иррегулярной коннице кочевников и для руководства оными командовавший армией генерал Турнин выделил еще полк драгун. Впрочем, основной их задачей было охранять ракетный полк, неспешно двигавшийся к Нарве всем своим огромным обозом. Применять столь неточную артиллерию решено было только по таким огромным целям, как крепости и города... Хотя в нескольких стычках драгуны вместе с кочевниками поучаствовать успели. Поскольку для успешного использования нового оружия необходимо было обеспечить максимальную скрытность его развертывания, требовалось вытеснить шведские патрули из окрестностей Нарвы. А в прямом противостоянии со шведскими драгунами кочевники оказались слабоваты вследствие практически полного отсутствия у них огнестрельного оружия. Но с помощью драгун все удалось проделать весьма успешно. Так что когда рано утром далеко на северо-западе в небе появились сполохи, проснувшийся царевич в возбуждении выбрался из палатки и некоторое время зачарованно смотрел в ту сторону. Потому что это означало – началось...

– Ну, с почином, царевич-государь, – возбужденно поприветствовал его подскакавший Лукьян.

– Не *государь*, Лукьян, сколько раз тебе повторять, – досадливо прервал его царевич.

Лукьян тут же прикусил язык. Да уж, его старый, еще по царевой школе, приятель после возвращения из Приамурья заметно изменился. Почти совсем исчезла изрядно ослабевшая еще в Приамурье, но иногда еще прорывавшаяся бесшабашная лихость. Изрядно прибавилось сдержанности, внимательности к словам. Вот и это тоже. В Приамурье его кто только так не именовал, и ничего, а нынче эвон – сердится. Да и странных людишек к себе приблизил. Крещеного ногойца инока Иону и кирасирского капитана. Откуда они взялись? Лукьян с царевичем почитай уже десять лет как не расстаются, а он никогда до того их не видывал. Батюшка царь Федор навязал? Так вроде царевич и не против. Не только их подле себя терпит, но и часто советуется. Ох, не к добру это...

– Началось, царевич, – будто в унисон его мыслям произнес подошедший к ним генерал Турнин.

Царь Федор II Борисович сумел-таки отучить русскую знать как от местничества, так и от нарочитого уничижения, когда к вышестоящему обращались униженно, обзывая себя «холопом». Впрочем, еще со времен Польской войны было установлено царем и навечно принято Земским собором, что на Руси православный холопом быть не может. Ну не может, и все! И следили за этим строго. Боярин Катырев даже вотчины через это лишился. Упрямитесь вздумал старик...

Иван считался главнокомандующим всей армией, но в вопросы руководства конкретными воинскими отрядами старался не лезть. Отец перед отправлением два вечера рассказывал ему о том, как сам ходил воевать свеев и как так же старался не перечесть своему зятю и верному другу князю Михаилу Скопину-Шуйскому.

– А тебе, сынок, и вовсе делать этого не след. У меня-то за спиной уже Южная война была, и то я понимал, что полководец из меня аховый. Единственное, чем я мог помочь своей армии, так это снабженцев в кулаке держать и *не мешать* моим воеводам. То и тебе советую.

– А как же ты тогда под свейские пули-то попал? – удивился царевич, припомнив историю, кою сержанты непременно рассказывают всем новикам.

Отец усмехнулся:

– Да по глупости, конечно... ну и само так сложилось. Стрельцов со старых приказов свеи опрокинули, ну оне и побегли. А я их остановить пытался.

– Удалось?

– Удалось-то удалось, – вздохнул царь, – да токмо жив остался лишь благодаря дяде Акиму покойному. Ежели бы не доспех, из его стали сработанный... – Царь сокрушенно махнул рукой. – Но я тебя вот о чем подумать прошу. Как думаешь, на пользу или на вред России пошло бы, ежели бы я *тогда* голову сложил?

Царевич возмущенно вскинулся:

– Ну ты и сказал, батюшка! Да ежели б ты тогда... да это ж сколько всего ты сделать не успел бы... Я после всего, с чем в Приамурье мне столкнуться пришлось, вообще не знаю, как тебе столько всего совершить удалось.

– Люди помогали, – усмехнулся царь. – Кстати, я и тебе пару людишек порекомендовать хочу. Приближать их к себе али нет – токмо тебе решать. Но спытать их попробуй. Мне думается, от них большой толк быть может.

– Попробую, батюшка, – послушно отозвался царевич. – А кто таковы?

– Один – инок Заиконоспасского монастыря Иона...

Царевич кивнул, поскольку о монастырях «особливого списка» был изрядно наслышан.

– ...а второй – капитан царевых кирасир Митрий Колесников...

И вот теперь эти двое также пребывали рядом с царевичем. Но в отличие от драгунского лейтенанта и генерала вступать в разговор не спешили. Они вообще по большей части молчали, открывая рот только тогда, когда царевич спрашивал их о чем-то. И Иван не так давно внезапно поймал себя на мысли, что ранее подобных людей он почти что не замечал, их затмевали шумные, яркие и обращающие на себя внимание. Ну вроде Лукьяна. А теперь вдруг как-то разом начал видеть и других, именно таких... И понял, что отец снова преподавал ему урок.

– Когда выступаем, генерал? – взяв себя в руки, спокойно поинтересовался царевич.

– Нам до свейского лагеря три часа пути. Так что немедля, как позавтракаем. А патрули я уже выслал.

– Не сбегут свеи-то?

Генерал пожал плечами:

– Не думаю, царевич. Оне про нас вряд ли прознали. Свейских патрулей поблизости замечено не было, а наши шибко далеко также не отдалялись. И сторожились шибко. Есть надежда, что свеи их не заметили. Полковник же Лепнин ввечеру сообщил, что свеи все еще

стоят лагерем у Ивангорода и, как ему докладывают калмыки, патрули от лагеря высылают максимум на три версты... Так что от кого им бежать-то?

– А когда оне про нас прознают?

– Все одно не думаю, что побегут, – мотнул головой генерал. – Не так-то просто им таперича бежать-то. Полковник собирался перед началом ракетного обстрела понтонный мост порушить. А без него армию так запросто на другой берег не переправить. Организовывать же переправу под ударом вражеского войска – то еще удовольствие. При таких условиях очень просто свою армию потерять. А единственную удобную дорогу в иную сторону мы перекрываем. Да и не шибко нас свеи и боятся-то, чтобы в бегство удариться. Скорее, наоборот, попытаются напасть и разгромить, на что у них, как они считают, большой шанс имеется.

– А на самом деле? – с насмешкой влез Лукьян.

Генерал посуровел, а царевич развернулся к своему приятелю и о-очень спокойно (так что у виновника даже мурашки на спине высыпали) поинтересовался:

– Лукьян, а где это тебя научили без разрешения к старшему по званию обращаться, а?

Драгун побагровел.

– Я... это... виноват, царевич-гос... кхм... – И, окончательно сбившись, потерянно замолчал.

Царевич еще пару мгновений плющил его своим спокойным взглядом, а затем снова развернулся к генералу Турнину.

– Я понимаю, что вопрос действительно не шибко уместен, но все же, генерал, каковы, по вашему мнению, наши шансы?

Генерал улыбнулся.

– С Божьей помощью побьем свеев, царевич. Иначе зачем все затевать-то было?..

Генерал Тотт стоял на холме и смотрел, как разворачиваются выходящие из леса полки московитов. А разворачивались они очень неплохо. Прямо скажем – хорошо разворачивались. Под барабанный бой, строго соблюдая равнение. Нет, шведы бы развернулись не хуже, даже лучше, но у его ветеранов за спиной было уже несколько кампаний. Московиты же не воевали почти двадцать лет. Да и до того их противниками были поляки, коих шведы за последний год громили с небывалой легкостью. Польское Посполитое рушение во главе с их крулем Яном II Казимиром армия короля Карла X Густава наголову разгромила под Торунью всего за четыре часа, захватив в плен почти шесть тысяч поляков. Захватили бы и больше, но поляки по большей части были конными, а в шведской армии конницы было всего три тысячи. Так что большинству удалось сбежать... Но московиты разворачивались отнюдь не как новобранцы, да еще и разленившиеся за столько лет безделья. И у генерала впервые засосало под ложечкой от нехорошего предчувствия. Нет, в том, что его железные ветераны, его северные львы разгромают этих... (проклятье, после увиденного у него язык не поворачивался назвать московитов варварами!) эту армию, никаких сомнений у него не было. Но вот в том, что за это придется заплатить куда большим, чем он думал ранее, числом шведских жизней, генерал уже не сомневался. Может быть, стоило последовать совету капитана фон Штайна и атаковать московитов еще до того, как они полностью развернутся? Ведь и они сами не соблюдают рыцарских правил войны, разоряя и угоняя местное население. Ну пусть не сами, но ведь кто командует – тот и отвечает! Впрочем, сейчас уже делать это было поздно. Русские практически закончили развертывание...

В этот момент со стороны лагеря у крепости, коий генерал приказал покинуть, несмотря на кажущееся преимущество укрепленной позиции, потому как не желал в самый неподходящий момент получить удар в спину от крепостного гарнизона, послышалась частая стрельба.

– Что там, Йохансон?

– Сейчас узнаю, господин генерал, – тут же отозвался капитан, вскакивая на коня и разворачивая его в сторону выстрелов...

Вернулся он через полчаса.

– Московиты вышли из крепости и атаковали оставленные вами в лагере два полка, – тяжело дыша от быстрой скачки, сообщил капитан неприятную, но вполне ожидаемую новость.

Именно потому, что генерал предполагал такую возможность, он и оставил в лагере два полка, коих, по его расчетам, должно было вполне хватить, чтобы удержать гарнизон крепости от необдуманных поступков. На стенах русские сражались храбро, но полевую выучку их войск генерал Тотт ценил не слишком высоко... до того как увидел, сколь слаженно разворачивались русские полки. Так что теперь ему оставалось лишь надеяться на то, что оставленных сил достаточно, чтобы удержать русских от атаки в тыл.

– Я надеюсь, мои солдаты разогнали этот сброд?

– Нет... не совсем, господин генерал, – угрюмо отозвался капитан. – Дело в том, что в разгар атаки московитов в тыл нашим солдатам ударили их иррегулярные войска... те самые кочевники, что доставили коменданту Нарвы столь много хлопот. Как они сумели перебраться через реку – непонятно, но как бы там ни было – сумели. И... – Капитан замолчал.

Но и так все было понятно. Генерал резко вскинул подзорную трубу и обвел взглядом спокойно стоявшие перед ним русские войска. Перед своим строем русские споро и сноровисто вязали рогатки... До сего момента он собирался предоставить русским право первого удара, а затем, остановив их, опрокинуть и погнать. Но теперь у него не оставалось выбора. Его армия оказалась между двух огней. И лучшим выходом теперь было попытаться опрокинуть стоявшую перед ним армию раньше, чем ему в тыл ударят подошедшие иррегуляры вместе с гарнизоном так и не взятой им крепости. Пока русский сводный отряд выстроит походную колонну, пока дойдет досюда, у него есть часа два – два с половиной. Вполне можно успеть...

– Сигнал к атаке! – резко приказал генерал Тотт. – И да поможет нам Бог!...

Шведы тронулись вперед мерным шагом. Царевич Иван, занявший позицию на небольшой возвышенности рядом с генералом Турниным, рассматривал в подзорную трубу приближающиеся ровные шеренги шведской пехоты, изо всех сил стараясь сдерживать охватившее его возбуждение. Вот рявкнули русские пушки, и ядра, выпущенные прямой наводкой, тут же прорубили в ровных рядах шведов кровавые просеки. Но шаг, другой, третий... и ряды шведской пехоты вновь стали монолитными. А сразу вслед за этим рявкнули и шведские пушки...

– Эх как бьют! – азартно воскликнул Лукьян. – Эх, надобно их в сабли имать! – И он нетерпеливо покосился на генерала Турнина.

Но тот продолжал молча наблюдать за приближающимися шведами.

– Илля-а-а! – внезапно послышался с противоположной стороны, от леса, рядом с которым располагались позиции шведской артиллерии, отчаянный визг кочевников.

Им и в голову не пришло дожидаться пехоту, вследствие чего все планы генерала Тотта полетели кувырком. Но это совершенно не отразилось на мерном движении железных шведских шеренг. Просто с холма, на коем возвышался шведский генерал, тут же галопом скатились два всадника, устремившиеся к приближавшимся шведским войскам, и, едва они достигли ровных шеренг, как ехавшие рысью на левом фланге боевого порядка шведские драгуны четко развернули коней и галопом поскакали в сторону азартно рубящих шведских артиллеристов иррегуляров. Туда же, молниеносно перестроившись, двинулись и два шведских полка.

– О как свеи дают! – восхищенно выдохнул Лукьян.

Да, столь четкому и быстрому перестроению можно было лишь позавидовать...

В этот момент шведы подошли вплотную к линии русских рогаток. И весь фронт русской армии окутался клубами порохового дыма. Стрельцы открыли огонь...

– Картечью бьют! – негромко произнес генерал Турнин, сумевший в стоявшем грохоте непонятно как уловить некое изменение в голосе русской артиллерии. – И шибко! Молодцы!

Царевич согласно кивнул. Хотя сам ничего такого не расслышал, несмотря на то что в свое время закончил пушкарскую школу...

Где-то около часа сражение шло на равных, несмотря на то что тридцати с лишком тысяч русских противостояло всего около семи тысяч шведов. Два шведских полка были разгромлены в оставленном лагере, а еще два пехотных и драгунский сейчас связывали боем иррегуляров и бегом подтянувшийся со стороны Ивангорода бывший крепостной гарнизон... Над полем боя висел неумолчный грохот. Наконец, разглядев что-то в белом дыму, напрочь закрывшем картину боя, генерал подозвал вестового и приказал:

– Передайте полковнику Кадышеву, пускай атакует полки, что свеи отправили сдерживать иррегуляров и подошедших ивангородцев.

Командир кирасирского полка Кадышев начальствовал над всей русской кавалерией. К царевичу тут же развернулся Лукьян.

– Дозволь, царевич! Ну мочи ж нет тут торчать...

Иван нахмурился, но затем кивнул:

– Токмо на рожон не лезь. Ты мне живым надобен.

– Ништо! – заорал обрадованный драгунский лейтенант, с места бросая коня в галоп. – Ух, повеселюсь!

А спустя несколько минут до стоящих на холме донесся гулкий топот конских копыт, и из-за правого фланга русского построения на рысях выметнулась русская кавалерия. Впереди, четко держа строй, на рослых конях скакали кирасиры...

Генерал Тотт опустил подзорную трубу и резким движением сложил ее. Смотреть больше было не на что. Шведы, избиваемые артиллерийским огнем и лишенные поддержки своей артиллерии, медленно отступали, все еще держа строй, но было совершенно ясно, что это – конец. Русские оказались не так слабы, как это представлялось шведам. Яростные атаки шведской пехоты не привели к прорыву строя ни одного русского полка. А теперь сражение должно было превратиться в настоящую бойню, поскольку иррегуляры и регулярная русская конница уничтожили остатки шведских драгун и два полка пехоты, которые он отрядил защищать тыл шведской армии, и сейчас перестраивались для атаки в тыл его основных сил. Генерал надеялся за то время, пока эти его солдаты будут умирать, разбить основную армию русских, а уж затем ударить по подошедшему отряду. Ну кто мог подумать, что московиты умеют так воевать?

– Капитан! – Генерал жестом подозвал к себе Йохансона.

– Да, господин генерал?

Якоб Тотт несколько мгновений угрюмо молчал, глядя на свою избиваемую армию, а затем негромко заговорил:

– Я напишу письмо королю. В трех экземплярах. Подберите еще двоих солдат из числа хороших наездников. Вы должны обязательно доставить королю мой рапорт. Похоже, мы сильно недооценили московитов. У них великолепные солдаты. И отличные командиры. Им, конечно, еще не хватает боевого опыта, но... боюсь, мы предоставим им достаточно возможностей его набраться. Поэтому король непременно должен узнать обо всем, что случилось здесь. Вам понятно?

Капитан мрачно кивнул:

– Да, господин генерал. Но я бы предпочел...

– Мне неважно, что вы предпочли бы, – оборвал его Тотт, – идите и подберите еще двух гонцов. А я пока приготовлю письма... – Он повернулся и несколько деревянным шагом удалился в свою палатку.

Через десять минут, когда русская конница с лихим криком ударила в спину отчаянно обороняющейся шведской пехоте, генерал вышел из палатки и протянул трем стоящим перед ним воинам по запечатанному его личной печатью пакету.

– Вот. Хотя бы один из вас должен добраться до короля. Иначе нашу страну ждут неисчислимы страдания. Вам понятно?

– Да, господин генерал, – ответил за всех капитан Йохансон.

– С Богом! – кивнул генерал.

Все трое практически одновременно взлетели в седла и, отдав честь своему командиру, бросили коней в галоп.

Генерал проводил их взглядом и махнул рукой, подзывая ординарца.

– Коня мне!

Взобравшись в седло, генерал Тотт выметнул из ножен шпагу и, кивнув личному конвою, пустил своего рослого вестрагетландского жеребца крупной рысью. Он сделал все, что мог, дабы предотвратить... ну или помочь сколь можно скорее исправить ужасную ошибку, коя была допущена его королем в отношении московитов. Теперь ему осталось только достойно умереть...

Но даже этого Господь ему не дал. Потому что не успел генерал проскакать и полсотни шагов, как ему навстречу вынеслось не менее пятидесяти всадников регулярной конницы московитов. Генерал вытянул руку со шпагой вперед, другой выхватил из седельной сумки пистолет, досадливо припоминая, что не проверил, есть ли порох на полке, и прищипорил коня. Но тут кто-то из московитов налетел на скакуна генерала сбоку и, рубанув по шпаге, вышиб ее из руки генерала. Конь генерала от мощного удара зашатался и начал заваливаться. Якоб Тотт направил на нависшего над ним московита пистолет и нажал курок... но вместо выстрела услышал только сухой щелчок.

– Ништо! – взревел московит. – Вот царевичу подарок-то будет!

И в следующее мгновение генерал почувствовал, как что-то ударило его по голове.

Он только после войны узнал, что вовремя до короля не успел добраться ни один из его гонцов...

Лукьян сноровисто сдернул обмякшее тело швейского генерала с упавшей лошади, обеспокоенно приложил пальцы к шее, где, как его научили в военной академии на занятиях, ведомых дохтуром, можно было нащупать биение пульса, показывающее, жив человек либо мертв, и удовлетворенно кивнул:

– Жив... – После чего вбросил в ножны саблю, рукоятью которой он и вышиб дух из свея, и принялся сноровисто вязать генерала...

6

Карл X Густав не только изначально ошибся, послав на границы московитов армию, дабы, как он считал, предупредить их от ввязывания в его войну, но, к несчастью, умудрился еще и усугубить эту ошибку. Вследствие своего, как выяснилось позже, необоснованного пренебрежения московитами. Когда до него дошли первые известия о появлении русских в Лифляндии, шведская армия как раз осаждала Варшаву. И взятие сего города, столицы Речи Посполитой, шведский король посчитал куда более важным, чем необходимость выгнать из Лифляндии промышляющие грабежами и разбоями разрозненные отряды московитов... Ну потому что любому разумному человеку было понятно, что ни на что большее эти московиты все равно не были способны. Поэтому, прочитав письмо, отправленное ему комендантом Вендена, он лишь брезгливо скривил свое украшенное тонкими щегольскими усиками и уже слегка располневшее лицо и пренебрежительно произнес:

– Сообщите генералу Тотту, что я жду от него, чтобы он еще до зимы покончил с этими разбойниками, – после чего снова поднес подзорную трубу к правому глазу и уставился на вожденную Варшаву.

Что ж, Варшаву он взял. Но зато потерял всю Лифляндию. За два дня до Рождества, то есть ровно через месяц после взятия столицы Речи Посполитой, в ворота захваченной шведами Варшавы влетел всадник на взмыленном коне, смертельно усталой рысью проскакавший по узким улочкам до королевского замка, где находилась резиденция шведского короля. А спустя час из замка вылетело полдюжины рейтар, которые рассыпались по всему оккупированному городу, созывая офицеров на срочный королевский совет. Ибо вести, принесенные гонцом, отправленным из уже почти павшего Динамюнде, оказались просто чудовищными. Московиты захватили всю Лифляндию, причем большинство ее городов они даже не штурмовали. Те сами упали им в руки, после того как были буквально сожжены новым оружием московитов – пороховыми ракетами, кои ранее никто не воспринимал как оружие, поскольку они обладали чрезвычайно слабой точностью и не менее слабым убойным и фугасным действием. Но как зажигательное оружие, да еще используемое против столь крупной цели, как город, они оказались страшным средством. Кроме того, в состав московитских войск входили отряды иррегуляров-кочевников, которые буквально опустошили Лифляндию...

Из Варшавы королевская армия выступила спустя неделю. Первоначально горячие головы предлагали, воспользовавшись тем, что войско московитов, похоже, практически в полном составе находится в Лифляндии, не идти на север, а двинуться на восток, в пределы России, к Москве. Но на пути этого движения находились мощные русские крепости, занятые, как докладывали опрошенные польские купцы и агенты из числа союзных немецких купцов, сильными русскими гарнизонами. А для их взятия сил у короля не было. После того как часть войск пришлось разместить в захваченных за лето польских городах, численность королевской армии составляла всего двадцать шесть тысяч человек. А то, как московиты умеют оборонять крепости, можно было понять хотя бы по тому, что далеко не самая сильная и современная московитская крепость Ивангород спокойно выдержала почти четырехмесячную осаду довольно сильного по шведским меркам войска, от коего до сих пор не было ни слуху ни духу. Оставалось надеяться, что генерал Тотт сумел отбиться и без особых потерь отвести своих солдат, каждый из которых теперь стоил для короля на вес золота, в какую-нибудь из сильных крепостей. В Ревель (о его захвате, в отличие от других лифляндских городов, пока никаких сведений не поступило) или на крайний случай в Выборг (его, скорее по отсутствию сведений о движении московитов в том направлении, чем основываясь на реальной информации, можно было условно считать находящимся в безопасности). Хотя все понимали, что отсутствие сведений ничего не гарантирует... Крепости же на западных границах у московитов были куда современнее и сильнее Ивангорода. Да и к тому же не только обладали более сильными гарнизонами, но и, в отличие от уже упомянутого Ивангорода, изначально были построены так, что представляли собой целую систему, при которой гарнизоны других крепостей могли активно поддерживать любую соседнюю, подвергающуюся осаде.

Можно было, конечно, не торопиться, собрать войска из гарнизонов, дожидаться подкреплений из Швеции и ударить потом, но... собрать войска из гарнизонов означало ослабить их. Карл Густав и так старался оставлять в гарнизонах минимально возможные силы. Что же касается подкреплений из Швеции, то они были возможны лишь гипотетически. Блистательное, но разорительное правление его сестры Кристины вконец истощило шведскую казну. Впрочем, после того как бывшая шведская королева в позапрошлом Рождество нанесла столь подлый удар шведскому народу и всем истинным христианам, приняв католичество, о ней старались не вспоминать, а если и вспоминали, так только сквозь зубы... Как бы там ни было – денег на наем новых войск не было. И та армия, коей располагал король, содержалась лишь на доходы с

покоренных земель. Он и на польскую кампанию решился лишь потому, что она должна была не только окупить себя, но и позволить хотя бы частично расплатиться с наделанными сестрой долгами. И так оно и было... до того момента, как в войну вступили эти проклятые московиты.

В общем, ждать было нельзя. Судя по сведениям, принесенным гонцом, московиты не собирались забирать Лифляндию себе, потому что так с землями, которые собираешься забрать, никто не поступает. Но зато делали все, чтобы и шведскому королю с той земли не досталось бы ни единого риксдалера. И это наносило по тощей шведской казне просто сокрушительный удар... Так что надо было торопиться.

Поэтому на военном совете было решено пока воздержаться от попыток осады московитских крепостей и вынудить этих варваров к полевому сражению, в коем закаленные в боях шведские ветераны, без всякого сомнения, способны были наголову разгромить вдвое и даже втрое превосходящее их численностью войско московитских разбойников. А принудить их к этому планировалось нападением на вассальное московитскому царю Курляндское герцогство, ворвавшись в его пределы стремительным маршем, коими так славилась шведская армия. Мол, ежели московиты лишают доходов шведскую казну, разоряя Лифляндию, то и шведы поступят так же с источником доходов московитской казны – Курляндией, заодно компенсировав свои потери. А уже после разгрома армии московитов планировалось двинуться наводить порядок в Лифляндии, коя, по полученной информации, была так разорена, что московиты даже не ставили гарнизонов в превратившихся в пепел лифляндских городах и крепостях.

Однако все сразу же пошло не так. Поскольку король спешил, армия двинулась в Лифляндию напрямик, через Восточную Пруссию. Это могло означать конфликт с императором, но Карл Густав решил этой опасностью пренебречь. Он считал, что Священная Римская империя германской нации была еще менее способна к возобновлению войны, чем сама Швеция, так что все возможные разногласия позже можно будет разрешить дипломатическим путем. Гораздо важнее не дать русским засесть в Митаве. Ибо это означало ту самую осаду, коей король всеми силами стремился избежать. Но, во-первых, пруссаки отнеслись к нарушению их границ крайне негативно. Наместник императора, появившийся в Пруссии после того, как русский царь, разгромив в прошлой войне поляков, передал Пруссию, ранее являвшуюся вассалом Речи Посполитой, в прямое подданство императору, не ограничился формальным выражением недовольства, на что рассчитывал Карл Густав. Наместник отдал распоряжение не продавать шведам фураж и продовольствие и всячески препятствовать их скорому продвижению, не вступая, однако, в прямое военное столкновение с ними. Поэтому армии пришлось заниматься снабжением в Пруссии будто на враждебной территории, что вызвало не только резкое возрастание противодействия со стороны местного населения, но и незапланированные потери. Они, конечно, были невелики, но не лучшим образом влияли на боевой дух солдат, принужденных с боем добывать себе продовольствие и фураж, да еще во время тяжелого зимнего марша. И, во-вторых, выяснилось, что московиты оказались откуда-то осведомлены о планах короля, поэтому отряды иррегулярной конницы союзных им кочевников начали тревожить шведские войска, едва только они покинули пределы Восточной Пруссии, что также не способствовало поддержанию высокой боеготовности армии короля. Однако до Митавы шведская армия добралась раньше русских и взяла город, пленив самого герцога.

В Митаве король дал армии небольшой трехдневный отдых, собираясь сразу после этого приступить к разграблению Курляндии так же, как московиты поступили с его Лифляндией. Однако уже к концу второго дня поступили известия о том, что всего в одном дневном переходе от Митавы замечена армия московитов. Известия были крайне отрывочны, поскольку вокруг города продолжала кружить конница союзных московитам кочевников, так что драгунские патрули регулярно попадали в засады и разведка была крайне осложнена. Еще через день, получив второе подтверждение наличия русских сил в одном дневном переходе от Митавы, Карл Густав решил не ждать, а немедленно двигаться навстречу московитам, пока они, устра-

шившись, не сбежали под защиту крепких стен Риги. А разграблением Курляндии заняться потом, после разгрома московитов.

На ночлег вышедшая из Митава (где король на всякий случай оставил гарнизоном два полка, из них один был сводным, составленным из больных и наиболее уставших солдат) шведская армия остановилась в двухчасовом переходе от лагеря московитов. По докладам рейтар, два полка которых сумели настолько близко подобраться к московитским позициям, что даже вступили с ними в перестрелку, тех было не более двадцати тысяч. Правда, при многочисленной артиллерии. Ну да московитскую артиллерию в армии короля, пока еще не сходившейся с московитами напрямую на поле боя, оценивали не слишком высоко. А соотношение численности вообще вызывало уверенность в непременной и довольно легкой победе. Ну не могли московиты устоять столь малым числом против закаленных в боях шведских ветеранов. Кстати, похоже, они тоже так считали. Потому и активно строили полевые укрепления. Рейтары доложили о шести редутах – пять располагались в линию, а еще один предварял ее в самом центре позиции.

– Господа, завтра мы покончим с московитами, – твердо заявил король шведов, готов и венедов Карл X Густав на вечернем совещании. – В сем у меня нет никакого сомнения. Поэтому я предлагаю заняться планированием того, куда далее двинется армия и какие задачи нам следует решить в первую очередь...

Но ночью шведский лагерь был разбужен странными звуками. А затем с небес на землю, страшно шипя и плюясь огнем, сплошным потоком начали падать странные снаряды. При падении они взрывались, впрочем более сея панику, чем убивая, но вот пожаров от них возникло куда как много. Тушить не успевали, и потому в лагере вскоре раздалось несколько оглушительных взрывов. Это взорвались четыре повозки с порохом для орудий. Что еще более усилило общую сумятицу, несмотря на то что странные снаряды уже прекратили падать... И в этот момент от границ лагеря послышался едва заметный в этом шуме и треске свист стрел. Вследствие всеобщей неразберихи отпор сумели оказать не сразу, так что московитские иррегуляры, коих, по приблизительным подсчетам, подступило к лагерю около пяти тысяч, успели выпустить по несколько десятков стрел. А потом они исчезли в ночной темноте, и несколько залпов пушек, кои успели развернуть и снарядить картечью, судя по всему, пропали впустую.

Только через четыре часа в шведском лагере все более-менее успокоилось. К девяти часам утра шведский король, проехав по лагерю, заполненному измученными бессонной ночью солдатами, взиравшими на своего короля красными, воспаленными глазами, созвал в своей палатке, уставленной жаровнями с горящими углями, военный совет.

– Итак, господа, со вчерашнего дня положение армии осложнилось, – начал Карл Густав. – Похоже, вчера московиты применили против нашего лагеря те самые ракеты, коими они сожгли лифляндские города. И я оцениваю их применение как весьма успешное. Убитых не очень много – всего около сотни солдат, но зато раненые, причем по большей части стрелами, весьма многочисленны – почти четыре тысячи человек. Половина из них после перевязки вполне способна встать в строй, хотя, сами понимаете, полноценно сражаться они все равно не смогут, а вот другая половина встать в строй неспособна. Да и остальные солдаты устали, поскольку не смогли ночью отдохнуть. У пушек осталось пороха едва на два часа стрельбы. И я не уверен, что следующая ночь не окажется столь же беспокойной, как эта. Я жду ваших предложений.

После непродолжительного молчания вперед выступил фельдмаршал Кенигсмарк.

– Ваше величество, у нас два выхода. Первый – не отступать от вчерашнего плана. Быстрым маршем выдвинуться к стоящей неподалеку армии московитов и, разгромив ее, полностью устранить всякую опасность повторения нынешней тяжелой ночи, да еще и пополнить в ее лагере все необходимые нам запасы. После чего стремительным броском овладеть Ригой, где и встать на отдых, занявшись сбором сведений о русских и планированием дальнейшей кампа-

нии. Второй – отступить к Митаве, где пополнить запасы и вылечить солдат. После чего начать все сначала, рискуя тем, что либо к москвитам подойдет подкрепление, либо они, не решившись на полевое сражение, сами уйдут к Риге и засядут в ней. – Фельдмаршал сделал паузу и, обведя всех присутствующих жестким взглядом своих глубоко посаженных глаз, закончил: – Я думаю, ваше величество, что нет никаких сомнений относительно того, какой именно вариант кажется нам, вашим офицерам, наиболее предпочтительным. Первый!

Король, в свою очередь, обвел взглядом присутствующих и, убедившись в том, что все они стойко выдержали его взгляд, кивнул.

– Что ж, господа, тогда выступаем через час. Покажем этим москвитам, что подлое ночное нападение только разозлило северного льва.

Атака позиций москвитов началась около двух часов пополудни. Разворачивание войск на заснеженном поле заняло несколько больше времени, чем обычно, так что железные шеренги шведской пехоты двинулись вперед только через два часа после того, как армия достигла поля, на котором москвиты выстроили свои укрепления. Солдаты шли сквозь глубокий, по колено, снег, тяжело дыша и высоко задирая ноги. Но строй держали отлично.

До первых москвитских рогаток шведские солдаты добрались только через сорок минут. И тут выяснилось, что москвиты трудились все отведенное им время, словно муравьи. Они сумели не только прикрыть подступы к своим редутам ажно четырьмя рядами рогаток, но еще и вморозить их в лед, кой сотворили, растапливая снег и поливая его водой. Растаскивать их у шведских солдат получалось не шибко, приходилось просто ломать и втаптывать. И все это под непрерывным огнем москвитских пушек, стрелявших, как выяснилось, не только метко, но и часто. Спустя час шведы все еще ковырялись у рогаток, а все поле, от первых шеренг до небольшой возвышенности, на которой разместилась ставка короля, покрылось унылыми фигурами раненых шведских солдат, в одиночку и небольшими группками бредущих к своему обозу. Артиллерия, которая первые полтора часа вела с русскими активную контрбатареиную борьбу, расстреляла весь порох и окончательно умолкла. Так что непосредственная атака редутов началась при полном господстве на поле боя пушек москвитов.

– Да что же они так возятся! – в нетерпении вскричал король. – Я думал, что к сему часу моя кавалерия уже будет гнать выбитых из редутов москвитов!

– Прошу простить, ваше величество, – почтительно склонился к нему фельдмаршал Кенигсмарк, – но ваши солдаты уже штурмуют редуты. Задержка была вызвана лишь тем, что москвиты пошли на изрядную хитрость. Кроме многочисленных линий рогаток, призванных подольше задержать ваших солдат в зоне наиболее действенного огня их оказавшейся куда более опасной, чем мы предполагали, артиллерии, они полили валы редутов водой, коя, замерзнув, превратилась в лед. И потому вашим солдатам приходится либо рубить ступени, либо подкладывать под ноги обломки рогаток, что также не способствовало ускорению продвижения. Но теперь все в порядке. Вскоре мы можем ожидать известий о взятии редутов.

И как бы в подтверждение его слов со стороны сражения донесся громогласный рев шведских солдат. Похоже, они ворвались в первый редут. Фельдмаршал молча поклонился. Но на протяжении получаса больше никаких добрых новостей не было. Москвиты держались чрезвычайно стойко... А потом появились новости плохие. Все началось с того, что со стороны обоза донеслись дикие визги:

– Илля! Алла иль алла!

Король резко развернулся и привстал в стременах. Вот как, москвитские иррегуляры воспользовались моментом и атаковали обоз? Что ж, тем хуже для них! Он развернулся и сделал повелительный жест. Фельдмаршал отдал честь и, наклонившись, что-то приказал мгновенно подскочившему к нему вестовому.

Спустя несколько минут два полка рейтар (они, как и остальная кавалерия, располагались поблизости от ставки короля, поскольку любому было понятно, что глупо посылать конницу атаковать земляные укрепления), разворачиваясь на ходу, крупной рысью начали выдвижение в направлении обоза. Король бросил небрежный взгляд в ту сторону и вновь приник к окуляру подзорной трубы. О московитских иррегулярах можно было забыть...

Но забыть о них не удалось. Потому что, сделав несколько залпов из луков и попав под первый залп рейтар, иррегуляры, как, впрочем, это и предполагалось, развернули коней и бросились наутек, продолжая при этом осыпать преследующих их рейтар стрелами. Но через полверсты после последних саней обоза кони рейтар внезапно вынесли их на батарею из почти пяти десятков пушек. Те открыли частую стрельбу, начав с залпов по пяти орудий зараз и нарастив их до двух с половиной десятков орудий в залпе, засыпав приближающихся рейтар просто дождем картечи. А когда ряды тех под жестким огнем окончательно смешались, из-за пушек в пики ударили московитские кирасиры, окончательно опрокинув рейтар и отдав их на растерзание кочевникам, кои набросились на остатки двух полков, закинув луки за спину, зато раскручивая над головой петли арканов...

Ничего этого король не видел. Единственное, о чем ему сообщили несколько вырвавшихся из кровавой петли рейтар, так это что от двух полков рейтар остались только эти несколько всадников... и что дорога на Митаву перекрыта московитами. Король нервно дернул поводья и бросил взгляд в сторону обоза. По самым скромным прикидкам, там скопилось не менее девяти-десяти тысяч раненых шведских солдат. А это означало, что московитские редуты, с учетом того что часть солдат были просто убиты, штурмует едва восемь тысяч шведских солдат, уже измученных долгим боем. Похоже, сражение склонялось явно не в пользу шведов.

– Фельдмаршал, мы должны сбить московитов с дороги, – мрачно приказал король. – Похоже, сегодня Господь не на нашей стороне. Нам нужно отходить к Митаве!

Фельдмаршал Кенигсмарк поклонился и, развернувшись к трем оставшимся кавалерийским полкам – королевскому кирасирскому и двум драгунским, взмахнул шпагой. Суровые северные всадники молча двинули коней, даже не подозревая, что их ждет не только несколько десятков пушек, но и целая московитская армия числом не менее той, чьи укрепленные позиции они столь упорно и столь безуспешно штурмовали. Ловушка генерал-воеводы Беклемишева, расставленная для шведской армии с помощью созников-курляндцев, которые вывели в тыл шведам половину русского войска, заранее сосредоточенного для отпора шведскому королю, – захлопнулась...

До Стокгольма Карл Густав добрался на курляндском судне. Из Виндавы. Сопровождаемый всего лишь сотней кирасир личной охраны, которым повезло вырваться из той чудовищной ловушки под Митавой, в коей и сгинула вся шведская армия. Причем это могло считаться чудом, поскольку по всей Курляндии развернулась настоящая охота за шведским королем... И это означало, что армии у Швеции более нет. И все ее завоевания на материке можно считать потерянными... если не случится нечто совсем уж невероятное и у Швеции не появится новая армия, способная сокрушить московитов. Те, к кому шведы ранее относились столь пренебрежительно, оказались самым страшным врагом.

В Лифляндии между тем все шло своим чередом. Кочевники вернулись к своему занятию по ловле людей, и в самом конце января около пяти тысяч кочевников по льду перешли на остров Моонзунд, а с него на Эзель и далее на остальные острова Моонзундского архипелага. Поскольку лишь там еще оставалась добыча, остальная Лифляндия практически обезлюдела... А русские армии двинулись на север, к Выборгу, его удалось взять аккуратно на Благовещение. На сем первый этап войны, кою уже все стали именовать Северной, завершился.

За лето большая часть войска была отведена в гарнизоны западных крепостей. На отдых и лечение. Взамен из крепостей были выведены стоявшие там гарнизоны, из них, дополненных новобранцами из учебных рот, была сформирована армия численностью в восемьдесят тысяч воинов. Расчеты полков полевой артиллерии также были заменены пушкарями из крепостных артиллерийских полков. Царь решил дать понюхать пороху максимальному числу своих воинов. Потери даточных отрядов кочевников были не слишком велики, всего около полутора тысяч всадников, да и те более от того, что уровень медицинского обеспечения в отрядах кочевников был практически нулевым и едва ли не большая часть раненых почти неминуемо гибла. Но дохтуров не хватало для заполнения штатных должностей в регулярной армии. Общая численность всех войск, сосредоточенных к исходу лета в лагере у Выборга, достигла ста пятнадцати тысяч человек. Но это была отнюдь не крепко сбита, сложенная и уже закаленная в боях сила, в кою превратились те полки, которые сейчас были отправлены в гарнизоны, а пока еще сборище пусть и неплохо обученных, но не слишком притершихся друг к другу людей, чья боевая ценность была еще довольно условной. Хотя учения в лагере шли практически непрерывно. Но если бы у шведского короля оставалась под началом его старая, составленная из ветеранов армия, пусть и вчетверо уступающая численностью русской, разумному человеку, задумай он побиться об заклад на чью-нибудь победу, скорее, следовало бы поставить именно на нее. Но такой армии у Карла Густава более не было...

Такой – да. Но Карлу Х Густаву удалось-таки совершить чудо. Шведская армия, будто птица феникс, за весну и лето сумела возродиться из пепла. Выжав из риксдага чрезвычайный военный налог, шведский король все это время вербовал и обучал полки. Новую армию удалось даже слегка разбавить ветеранами, забрав из шведских гарнизонов в Поморье и захваченных городах Речи Посполитой почти две тысячи старых, опытных солдат и заменив их едва обученными новобранцами. Конечно, это резко снижало боеспособность гарнизонов, но король считал, что главное – остановить московитов. Если не суметь это сделать, все остальное – бессмысленно. Чтобы сформировать полностью потерянную полевую артиллерию, король велел разоружить два галеона и изготовить для их орудий полевые станки. Более брать артиллерию было неоткуда. Впрочем, оба разоруженных галеона тоже пошли в дело, прекрасно исполнив роль войсковых транспортов. Так что двенадцатого августа в маленьком деревянном финском городишке Гельсингфорсе высадилось двадцативосьмитысячное шведское войско, там к нему присоединилось еще около тысячи солдат, собранных из шведских крепостей в Финляндии, в коих теперь вовсе не осталось гарнизонов, и почти двенадцать тысяч местного финского ополчения. И спустя неделю эта сводная армия скорым маршем двинулась в сторону Выборга. Это были все войска, которые смогла собрать максимально напрягая все свои истощенные силы Швеция.

Карл Густав был умным человеком. Он сумел сделать правильные выводы и вовсе не собирался атаковать русских, показавших такую стойкость в обороне даже против его старой, составленной из закаленных ветеранов армии. Наоборот, теперь он сам собирался обороняться. Он хотел расположить свою армию в шестидесятиверстном дефиле между морским побережьем и озером Сайма, вернее, целой системой озер под общим названием. После чего, контролируя передвижения отрядов московитов с помощью патрулей из местных финнов, вынудить их к атаке своих укрепленных позиций, в ходе которой он собирался полностью разгромить их армию. И уже после этого предпринимать шаги по восстановлению своих позиций в Лифляндии. На всех остальных фронтах в этот год планировалось лишь удержание позиций...

Русские войска подошли к укрепленному шведскому лагерю девятого сентября. И шесть следующих дней король Карл Х Густав имел возможность наблюдать, как русская армия устраивает свой укрепленный лагерь. Причем всего в полуверсте от шведского. Московиты устраивались основательно. Наблюдатели докладывали, что они даже выкладывают печи, как будто собираются здесь зимовать. Это слегка обеспокоило короля, но затем он решил, что даже

к лучшему, что московиты не пытаются обойти шведскую армию, вынуждая ее оставить обустроенный и хорошо укрепленный лагерь для пресечения этого их маневра, а сразу решили занять позицию напротив. Он еще успеет придумать, как вынудить московитов атаковать. Но когда они наконец закончили...

Все началось перед рассветом. Король вновь был разбужен уже знакомым шипением, раздавшимся с небес. Карл Густав зло усмехнулся. На этот раз шведский лагерь оказался подготовлен к обстрелу куда как лучше. Весь порох, а также большинство иных припасов хранились в специальных складах, оборудованных в землянках с накатом из бревен, коий эти дьявольские московитские снаряды не могли пробить. Личный состав размещался по большей части в шалашах из веток, их легко было восстановить. А убойное действие ракет, как они уже знали, было крайне невелико. Кроме того, по всему лагерю были расставлены бочки с водой. Новое оружие московитов не могло нанести королевской армии слишком уж большого вреда. В тот раз им это удалось только потому, что шведы были к нему не готовы...

Как видно, московиты и сами довольно быстро поняли это, поскольку обстрел прекратился спустя всего лишь полчаса. А затем начался другой.

– Что это? – недоуменно спросил король, когда огромная бомба взорвалась в полусотне шагов от него, убив одного и ранив еще троих шведских солдат.

– Это – осадная мортира, ваше величество, – угрюмо отозвался один из офицеров его штаба, артиллерийский капитан Вивека Линдбэк. – И весьма большого калибра. А кроме того, московиты бьют и из больших шестидесятифунтовых пушек, причем калеными ядрами. Похоже, те печи, что они клали, предназначались как раз для каления ядер.

Карл Густав скрипнул зубами. Эти... московиты. О, как они... Он прекрасно представлял, что ждет его скученную на небольшом пространстве лагеря сорокатысячную армию, по которой будет вести огонь осадная артиллерия. Все построенные укрепления и укрытия пушки и мортиры московитов, предназначенные для того, чтобы разрушать крепостные бастионы, разнесут в щепки очень быстро. А о потерях среди солдат и говорить нечего...

Попытки шведской артиллерии вести контрбатареиную борьбу привели к тому, что шведы в течение двух часов потеряли более трети своих орудий. И не то чтобы московиты были столь уж искусны в стрельбе, нет, шведы им ничуть не уступали, просто московитская армия оказалась буквально напичкана артиллерией. И по каждой шведской батарее полевого калибра, едва она открывала огонь, тут же начинало работать не менее четырех таких же московитских. Избиение шведской армии, так и не вступившей в сражение с московитами, успешно продолжилось.

Кто из московитов придумал эту дьявольскую хитрость, шведы не знали, но Карлу Густаву доложили, что командующий русскими войсками царевич Иван – артиллерист. Так что не исключено, что это была его идея. К исходу дня потери шведской армии от артиллерийского огня уже составили около пяти тысяч человек. И хотя убитых было всего триста человек, но большинство ранений были довольно тяжелые, как, впрочем, это и бывает при обстреле крупнокалиберной артиллерией. Шведам стало совершенно ясно, что еще несколько дней такого обстрела, и от армии ничего не останется. Поэтому, едва немного стемнело, Карл Густав велел сворачивать лагерь и готовиться к выступлению. Он решил выдвигаться к Гельсингфорсу и попытаться задержать русских там. Хотя это и означало, что союзные русским иррегуляры смогут рассыпаться по Финляндии и заняться своим черным делом, чего он как раз и стремился избежать, перекрыв озерное дефиле.

Артиллерийский обстрел из тяжелых орудий не прекратился и ночью, а когда первые полки шведской армии стали строиться для выдвижения, московиты открыли огонь и из более легких пушек, а затем начали пускать свои дьявольские ракеты. Урон от последних оказался заметно больше, чем во время прошлого обстрела, поскольку большинство припасов было уже

извлечено из укрепленных складов и погружено на повозки. Кроме того, артиллерийский и ракетный обстрел чрезвычайно плохо действовал на лошадей, многие из которых испуганно понесли, вызвав в рядах шведских войск сумятицу. А когда почти друг за другом взорвались две повозки, груженные порохом, сумятица стала всеобщей. Так что запланированное организованное отступление в реальности больше напоминало бегство. Все-таки большинство *этой* шведской армии составляли необстрелянные новобранцы...

Ну а когда на вышедшие из лагеря в полном смятении шведские войска обрушился леденящий душу вой московитских иррегуляров и крики «Ура!» регулярной русской кавалерии, под прикрытием массированного артиллерийского огня сумевших обойти лагерь, сосредоточиться неподалеку от ведущей из него дороги и после первого же залпа из пистолетов ударивших в сабли, перепуганные солдаты начали бросать ружья и разбегаться. Возрожденная шведская армия была разгромлена, так и не вступив ни в одно сражение...

Последних разбежавшихся по финским лесам шведских солдат смогли выловить только к началу января. И все это время рассыпавшиеся по всей Финляндии отряды кочевников сгоняли к Выборгу вырванных из своих домов жителей финских городков и весей. Впрочем, охота за людьми на этой земле была для людоловов куда как труднее, чем в Лифляндии. Финны, до коих дошли слухи о том, что творилось в Лифляндии, во многих случаях предпочитали уходить и прятаться, а если нет – так вступать в схватку с врагом. Но и кочевники за прошедшее время успели кое-чему научиться и даже обзавелись огнестрельным оружием.

К тому же они не были обременены женщинами и детьми, поэтому передвигались куда быстрее финнов, а в случаях совсем уж упорного сопротивления просто поджигали обороняющиеся дома и деревни зажигательными стрелами, а затем набрасывали арканы на бросавшихся тушить свои жилища людей. Так что зимнее противостояние чаще всего заканчивалось в пользу кочевников. А к весне в Финляндии, похоже, уже не должно было остаться никого, кто бы смог дать людоловам достойный отпор.

Регулярная же армия к январю захватила все шведские города Финляндии вплоть до Або. Карл Густав из Гельсингфорса, до которого успел добраться всего лишь с пятью тысячами всадников и посаженной на выпряженные из пушек и обозных телег лошадей пехоты, поспешно отплыл в Швецию, оставив Финляндию на произвол судьбы. Впрочем, у него были для этого все основания, поскольку границы Швеции перешла датская армия, а датский флот атаковал и уничтожил шведскую эскадру в Гётеборге. Почти одновременно с этим польский король Ян Казимир выбил ослабленный шведский гарнизон из Варшавы и двинулся на север с явным намерением вернуть себе все ранее захваченные шведами польские земли. Ну да эта проблема была последней из тех, что занимали голову Карла Густава. Первой же были датчане. Слава богу, армия московитов была отделена от территории Швеции морем, на котором пока еще господствовал шведский флот...

Совещание русского командования в столице Финляндии, шведском городе Або¹⁴, состоялось двадцать пятого января.

– Значит, говоришь, почитай каждую зиму мясо и рыбу в Стокгольм на продажу на лошадях возите? – расспрашивал царевич финского купца.

Тот кивал. Возит. Правда, больше в Мариехамн, но и в Стокгольм тоже. А что не возить-то? Море-то замерзает. Нет, ежели в шторм попасть, то можно и сгинуть. Но опасность сего не шибко велика. Шхеры. На всем пути от Або до Стокгольма редко когда до ближайшего берега более версты бывает. Ежели погода портится, то надобно тут же к ближайшему островку

¹⁴ Або оставался столицей Финляндии до 1819 г. В описываемые времена Хельсинки, вернее Гельсингфорс, еще был чрезвычайно малонаселенным, полностью деревянным и крайне захолустным городком, в коем к тому же частенько вспыхивали эпидемии чумы.

лошадей править и там обустроиваться. На большинстве островов лес в достатке, так что даже несколько дней пересидеть – невелика трудность...

– Ну что ж, – царевич Иван покачал головой, – коль пойдете проводниками и доведете нас до Стокгольма – обещаю вашу деревню не трогать. Будете жить как жили. Да еще и серебра заплачу...

И ровно через две недели, девятого февраля, сразу как чутка спали жутко сильные морозы, ударившие аккурат на следующий день после того совещания у царевича, на морской лед вступила длинная колонна русских войск. Царевич Иван придумал, как решить задачу, кою поставил перед ним отец...

7

Я сидел за столом и тупо пиялся на отчет приказа Большой казны. Ничего нового для меня он не содержал. Я и так знал, что я – банкрот. Полный и окончательный! Северная война сразу потребовала куда больших расходов, чем я предполагал. Во-первых, на землях Лифляндии и Финляндии, как выяснилось, проживало куда больше людей, чем ранее считалось. А степняки проявили себя куда более умелыми людоловами, чем я рассчитывал, и не признавали никаких иных расчетов, кроме как в серебре. Так что и на выкуп, и на содержание людей в карантинных лагерях, и на перевозку к местам работ и поселений, да и на дальнейшее их содержание, например, при использовании их в том же дорожном строительстве, потребовались куда большие средства. А еще и потому, что я дрожал над каждым человечком, поскольку единственный из всех ныне живущих представлял себе, какой это важнейший ресурс для государства – люди!

В это время в любой стране, считай она себя хоть какой цивилизованной, к простонародью отношение скорее было пренебрежительным. В Англии согнанных с земель огораживанием крестьян ничтоже сумняшеся вешали, просто застав на дорогах по закону о бродяжничестве. Во Франции – обдирали как липку, вынуждая массово голодать. Не лучшим отношение к людям было и в Испании, Германии, да и в остальных странах. Мол, чего людишек жалеть – бабы еще нарожают. А вот в России – уже нет. Поскольку я, то есть царь, на протяжении более пяти – десяти лет постоянно и неуклонно демонстрировал совершенно другое отношение к людям, что сильно сказалось на изменении отношения к людям и всего остального правящего слоя.

Все-таки в области социальных отношений собственный пример и целенаправленное внедрение образца имеет очень большое значение. И как раз благодаря подобному отношению дворянства к простонародью страна уже много десятилетий не знала потерь от голода вследствие недородов в каких-то губерниях. Насмотревшись на государя, дворяне во время недорода предпочитали вообще отказаться от оброка (лишь наиболее жадные просто откладывали его на будущее, то есть на более успешные года, но всеобщее отношение к поступавшим таким образом было негативным), но сохранить людишек. Более того, в среде дворянства не считалось из ряда вон выходящим за свой кошт прикупить и раздать крестьянам хлеба из государевых хлебных складов. Или еще как облегчить тяготу плохого года... А уж только на втором месте после этого стояло прямое хлебное вспомоществование из государевых хлебных складов, сеть коих, созданная сразу после Великого глада и мора 1603–1604 годов, постоянно развивалась и совершенствовалась, сдвигаясь на юг и восток вслед за границами заселяемых русскими земель.

Кстати, сейчас именно эта сеть позволяла, несмотря на почти полное отсутствие денег в казне, продолжать, и не абы как, а невиданными еще три года назад темпами, строительство царевых дорог. Потому что количество рабочих в дорожном строительстве, ранее не превышавшее цифры в пятьдесят тысяч даточных людей, да еще и привлекаемых всего на пять-шесть

месяцев в году, теперь возросло до почти трехсот тысяч человек, и большинство трудилось на строительстве круглогодично. По подсчетам дорожных розмыслов, одна погонная сажень царевой дороги обходилась в шестьдесят человекодней. Что при условии примерно сотни нерабочих дней в году (один выходной в седмицу плюс около двенадцати праздничных дней и некое количество непригодных для работы вследствие погодных условий) должно было дать ежегодный прирост в тысячу двести верст дорожного полотна. И какого полотна! Так, как царевы, дороги пока не строили нигде в мире. Даже римские *виа* времен расцвета Древней Римской империи и те были гораздо уже и не так оснащены гидротехническими сооружениями. Ну нет у них в Италии столь широких рек, да и с разливами оных тоже все не так остро... И это при том, что за *шесть* предвоенных лет было построено только семьсот верст, то есть чуть более тысячи четырехсот километров царевых дорог! Всего же общая запланированная протяженность двух царевых дорог составляла около шести тысяч верст. Такими темпами всего четыре с половиной года работы. Я было начал даже подумывать, а не продлить ли цареву дорогу до Приамурья, но деньги, деньги...

Эти же хлебные склады давали возможность не останавливать осуществление гигантской программы переселения на вновь захваченные территории. Впервые она осуществлялась напрямую, без, так сказать, годичной «стажировки» в царевой вотчине. Ну да уровень агротехнической и животноводческой культуры по стране за последние тридцать лет почти выровнялся. Поскольку новые черносошные земли заселялись как раз таки через такую годичную «стажировку», а также через испомещение дворянства. Во-первых, дворяне почти поголовно были знакомы с передовыми агротехническими приемами, кто вследствие учебы в царевых школах, кои практически все располагались на землях моих личных вотчин, а кто знакомился с ними уже во время службы, потому как военные городки также по большей части находились на этих землях. И, во-вторых, вследствие перевода армии на регулярное жалованье, а также осуществление премиальных выплат по итогам Южной и Польской войн дворянство обладало достаточными финансовыми возможностями для внедрения этих самых наиболее передовых технологий в своих поместьях. Ну и вообще испомещение дворян являлось мощным инструментом заселения новых земель, поскольку они без дополнительных нагрузок на бюджет создали и поддерживали еще один дополнительный мощный миграционный поток, втягивающий людей в свои новые поместья, кои я, как правило, выделял на еще не заселенных землях...

Кроме того, в этот раз, также впервые, даточные люди привлекались со всего населения, а не только с моих вотчинных, дворцовых и черносошных земель. Все население страны – ну за исключением подчиненных кочевых народов и коренного населения Сибири, приуральских и приамурских земель, где и так ощущался недостаток русских, – то есть и мордва, меря, чуваша, оседлые татары и иные народы, обязано было выделять по одному двору из сотни для заселения вновь присоединенных земель на северо-западе. При численности крестьянского и тяглого посадского населения в наиболее густонаселенных северных и центральных губерниях где-то в восемнадцать миллионов душ общее число обложенных даточной повинностью дворов составило чуть менее миллиона семисот тысяч. Подушная реформа налогообложения слегка сократила среднюю численность крестьянского двора... Поэтому уже в первый год программы переселения на новые земли должны были заселиться около семнадцати тысяч семей. С учетом того, что общины, как правило, выделяли для переселения либо совсем уж худые, либо совсем молодые, не обзаведшиеся хозяйством семьи, и потому численность таковых составляла в среднем четыре-пять человек, за год на новых землях должно было осесть более шестидесяти трех – шестидесяти семи тысяч человек. Ну с учетом частичных потерь в дороге... А всего на эти земли планировалось переселить около шестисот тысяч человек – триста тысяч в бывшую Лифляндию и столько же в бывшую Финляндию. Если, конечно, мои планы не рухнут из-за полного отсутствия денег.

Впрочем, большая часть расходов на переселение была натуральной, в основном на питание переселенцев в дороге и пополнение их запасов семян и кормов. А эти расходы пока вполне возмещались из государевых хлебных складов, кои вследствие этого нынче оказались опустошены более чем на три четверти и продолжали опустошаться не меньшими темпами. Так что, ежели в будущем году вдруг грянет голод, подобный тому, что случился в 1603–1604 годах, полстраны вымрет на хрен...

– Государь, к тебе боярин-князь Трубецкой.

Я оторвался от отчета и устремил взгляд на гостя. Все-таки генетика – великая вещь. Казалось бы, уж сколько я давил бояр-княжат, вотчины отнимал, ссылал, а эвон оно как получается. Едва только эти самые княжата перестали остервенело цепляться за свои старые местнические привилегии и начали отправлять своих отпрысков в царевы школы, очень многие из них вновь так поднялись, что у меня в самом ближайшем круге таковых снова едва ли не половина. Причем свои таланты они проявляли в очень разных областях. Ну кто бы мог подумать, что наследник долгих поколений служилой княжеской фамилии окажется блестящим специалистом по финансам? Все-таки порода есть порода...

Глава приказа Большой казны вошел в мой кабинет с довольно сумрачным лицом. Я аж застонал:

– Только не говори ничего!.. И без того не знаю, какую дыру раньше заткнуть.

– Как скажешь, государь, – послушно отвечал Трубецкой.

Я вздохнул. Ну почему я не страус? Спрятал бы голову в песок – и вся недолга. Так нет ведь...

– Ну ладно, что у тебя там?

– «Гость государев» Терентий Поклашкин отказывается брать в оплату вексель банка. Бает, что итальянцы серебро требуют, а у него свооо мало.

Я посмурнел. Денежное обращение в стране еще держалось только потому, что оплата девяноста процентов всех сумм выше пяти рублей осуществлялась только с помощью векселей/ассигнаций (их реальный статус до сих пор не устоялся), выпускаемых Большой казной в Белозерском казенном остроге Монетного двора и запускаемых в оборот через Государев ссудный банк. Сам Монетный двор в Белоозере сейчас был переведен на казарменный режим и взят под охрану кирасирским полком. По стране ходили слухи, что все это из-за того, что там скопились невиданные запасы золота и серебра. Но на самом деле золота в остроге не было совсем, а серебра, по последним докладом, там находилось всего пять пудов. И полк сторожил вовсе не несметные богатства, а скорее информацию об их полном отсутствии. Зато станки, печатавшие векселя, работали беспрерывно...

– Сколько у нас серебра?

Трубецкой вздохнул:

– Полтора пуда, государь...

– Как полтора?! Было ж пять!

– Так вышел срок серебро зарубежным посольствам отправлять. Опять же войску платить. Это еще хорошо, что добыча с уральских рудников пришла да с Медвежьего острова. А то бы никак не выкрутились.

Я выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. Да... государь ты мой расейский, Федор свет Борисович. И как это тебя угораздило-то? Уму непостижимо! Во всей российской казне полтора пуда серебра. А ведь считал же, насколько снизятся поступления от торговли вследствие того, что Балтика окажется почти полностью перекрыта шведским флотом... Ну как можно было *настолько* ошибиться?!

– А сколько он просит-то?

– Да двести рублей.

– Двести? – Это было еще терпимо. – А чего привез-то?

– Да мрамор итальянский для дворца да собора.

– Мрамор!!! – Я грубо выругался сквозь зубы.

Вот без чего бы я ныне точно обошелся, так это без мрамора. А все дурацкая привычка из покинутого будущего всегда держать хорошую мину, даже при плохой игре. Уж сколько раз я в том покинутом времени выгребался из жутких неприятностей на одной силе воли, убеждая и компаньонов, и конкурентов, что мои дела обстоят ну просто отлично. Вот и здесь так же решил... Мол, все под контролем. Денег – море. Никакихстроек и иных проектов и не думаем останавливать. И ведь верят пока все, сука! Может, поэтому все еще пока и держится. А стоит только раз слабину показать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.